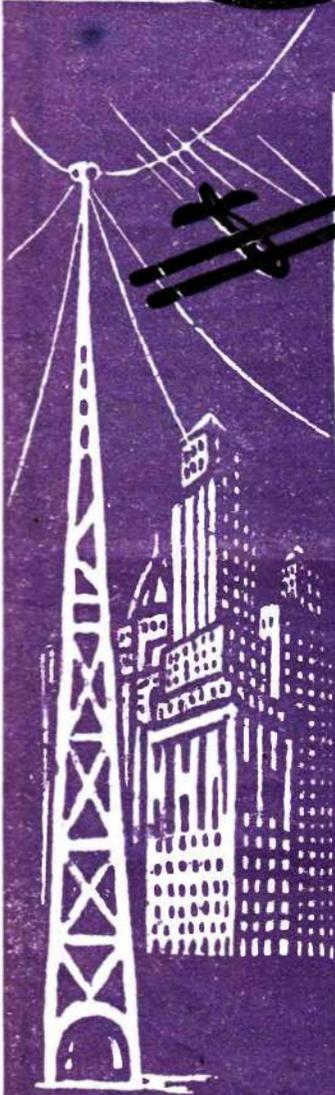
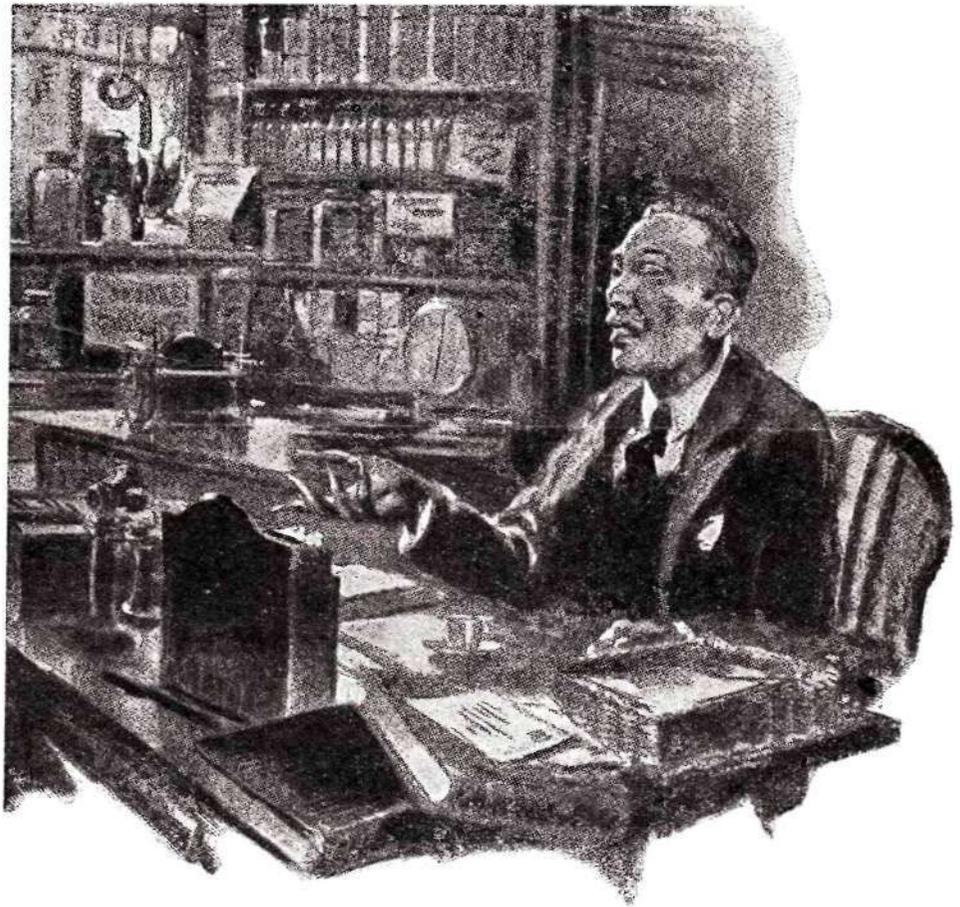

Вокруг Света

№13

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Редакция журнала „Вокруг Света“ просит подписчика журнала за 1927 год, У КОТОРОГО ИМЕЕТСЯ БИЛЕТ

№ 6175

Октябрьского (III) розыгрыша премий журн. „ВОКРУГ СВЕТА“ в 1927 г. прислать в Отд. Распространения Изд-ва „Красная Газета“—Ленинград, 2, Фонтанка, 57, указанный билет не позже 15 мая 1928 года.

После 15 мая Изд-во выигрыш, павший на № 6175 считает аннулированным и никаких претензий по нему в дальнейшем не принимает.

Изд-во „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
и
Редакция журнала „ВОКРУГ СВЕТА“

РОДИТЕЛИ! ВЫПИСЫВАЙТЕ ДЛЯ СВОИХ ДЕТЕЙ ГАЗЕТУ

„ЛЕНИНСКИЕ ИСКРЫ“

„Ленинские Искры“ — печатают повести, рассказы и стихи лучших детских писателей.
„Ленинские Искры“ — помогают школьнику в учебе, давая очерки о полит-событиях. „Наш Край, где что строится, как живут ребята за границей“ и т. д.
„Ленинские Искры“ — помещают письма и заметки самих ребят об их жизни и работе.
„Ленинские Искры“ — учат ребят мастерить модели машин, радио-приемники, летающие модели аэропланов, предметы для хозяйства и самодельные инструменты.
„Ленинские Искры“ — рассказывают ребятам обо всех интересных открытиях, путешествиях, достижениях науки и техники и происшествиях с ребятами по СССР и за границей.
„Ленинские Искры“ — устраивают конкурсы решений шарад, задач, ребусов и шахматных задач. За лучшие решения даются премии.
„Ленинские Искры“ — рассчитаны на ребят в возрасте 10—14 лет, выходят ежедневно на 8 страницах. В каждом номере до 20 рисунков и фотографий.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 1 месяц . . . — р. 10 к. || На 6 месяцев . . . — р. 60 к.
„ 3 месяца . . . — „ 30 „ || „ 1 год . . . 1 „ 20 „
Апрельские подписчики получат бесплатное приложение „Как самому сделать летающую модель самолета“.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:
Ленинград, 2, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“.

НОВИНКИ!

Евдокимов. Практическая фотография, в 3 частях, 384 стр. 129 рис. 3 р. * Его же. Как получить хороший негатив. 80 к.
* Рудь. 2.000 практич. техн. химич. рецептов. 3 р. 50 к.
* Дедрина. Кухня на плите и принусе. 550 мясных и вегетариан. блюд. 1 р. 20 к. * Фен-телюз. Ветродвиатели для мельниц, водокачек, станков и электростанц. 178 стр. 2 р. 50 к.
* Ирий. Мое водолечение. 1 р. 25 к. * Янобзон. Ованам у мужичны и женшчы. 2 р. 50 к.
* Федоров. Домашний ремесленник. Все ремесла в одной книге: плотн., столярн., токарн., бочарн., перепл., кузнечн., слесарн., паяние, лужение, никелирование, овчин., мыловар., веревочн., крахмал., зеркал., обувн., говчарн., печн., малярн., штукатура., наготов. радиопреема. 3 р.

НОВЫЙ РИСУНКОВ АЛЬБОМ ВЫПИЛИВАНИЯ

из дерева. Около 250 деталей на 80 листах. Состав. художн. Таранов. 3 р. (с пересылкой 3 р. 50 к.) Цены без пересылки. Высылает наложен. платеж.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН **А. С. СТЕПАНОВА**

ЛЕНИНГРАД, 28, просп. Володарского, 31.

„БИСТРОСЧЕТ“

Искусство производить в уме вычисления с быстротой мысли. Авт. франц. проф. Луи Ришар. Цена с перес. 1 р. 50 к. Адр.: Москва, ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „Просвещение“.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ

Под общей ред. В. Н. Короновского. Одобрен Лен. Советом Физкультуры. Около 600 страниц текста. Более 100 рисунков. Легкая атлетика. Шведская гимнастика. Зимний спорт. Водный спорт. Ледный спорт. Парусный спорт. Французская борьба. Джигу-джигу. Английский бокс. Фехтование. Тяжелая атлетика. Велосипед. Спортивные игры: хэнд-бол, хоккей, фут-бол, баскет-бол.
Цена с пересылкой 2 р. 90 к. Адр.: Москва, ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

Моментальный усовершенствованный СЧЕТЧИК

Цена 50 коп.

Доступен всем без затрат труда, без наставления, дает готовые результаты умножения, деления, вычисления процентов, автоматически. Вымыл. немедл. по получ. заказа и 5 л коп. За перес. в упак. 17 коп., всего 67 коп. (можно марж.). Заказы в деньги направлять: Москва, Почтамт, почтовый ящик 1.083, автору А. И. ЦУНЕРШТЕЙНУ.

НОВАЯ КНИГА ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК САМОУЧИТЕЛЬ

с всех ремесел в одной книге: плотн., столярн., токарн., бочарн., перепл., кузнечное, слесарное, паяние, лужение, никелирование, овчин., мыловар., веревочное, крахмал., зеркал., обувн., говчарн., печн., малярн., штукатура., наготов. радиопреема. 148 рис. Цена с пересылкой 3 руб. 50 коп. Можно посылать мелк. почт. марками.
Книжный склад „КНИГОВЕД“
Москва, 19, улица Герцена, 22/27.

НОВАЯ КНИГА САМОУЧИТЕЛЬ

Кройки МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ с 73 рисунками и чертежами.
Цена 1 руб. 80 коп., с пересыл. 2 руб.

Москва, ул. Герцена, 22/27.
КНИЖНЫЙ СКЛАД „КНИГОВЕД“.

Единственный по своей легкости. Общий цифровой самоучитель для ГИТАРЫ

МАНДОЛИНЫ И БАЛАЛАЙКИ, с новыми песнями, романсами и проч. высылается за 2 р. 85 к.

для ГАРМОНИИ

(двухр.) такой же самоуч., с 30 музык. №№, выс. за 2 р. 85 к. Адр.: Москва, ул., Герцена, 22/17. Книжное дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“

ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ И В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫЙДУТ В ПРОДАЖУ:

Брет-Гарт. Том IV.

Г. Уэллс. Машина времени.

Мятеж Корнилова (из белых мемуаров).

Марк Твен. Янки при дворе короля Артура.

Своими руками.

В мастерской туриста-спортсмена.

Орловский. По водной стихии.

Биггерс. Дом без ключа.

Лесник. Крючок и рыба.

Ив. Прутков. Для потомства.

Иги. Потапенко. История одной коммуны.

Энциклопедия Бегемота.

Мих. Зошенко и Ник. Радлов. Веселые проекты.

Словарь иностранных слов.

Вл. Динзе. Современный велосипед.

Г. Уэллс. Борьба миров.

Сборник — обывательщина на-прицел.

**ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

**РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА
Лер., Фонтанна, 57.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“,
Тлф. 175-38.**

Вокруг Света

№ 13

**1928 г.
МАРТ
31**

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

Содержание: А. Лебедеко. „Афганистан“. — Я. Зарик. „Первый коммунист на Руси“ (окончание). — Погракичник. „Побелители Ханджута“. — Боб дю Со. „Зеленое стекло“.

Афганский падишах Аманулла путешествует по Европе. Он побывал и в Индии, и в Египте. Оттуда он проехал в Рим, из Рима в Берлин, из Берлина в Париж, затем в Брюссель, в Швейцарию, дальше он поедет в Англию и отсюда к нам, в СССР.

Завидный маршрут путешествия!

Аманулла не ограничивается посещением столиц, — в Кресо он осматривает знаменитый пушечный завод Шнейдера, в Турине — автомобильный завод «Фиат», в Лионе он интересуется французской шелковой промышленностью, в Брюсселе — музеями, аэродромами и военной школой, в Антверпене он осматривает доки, в Швейцарии изучает молочное хозяйство и знакомится с местными международными банкирами, но воротит «ос от Дворца Мира, где заседает Лига Наций, в Дессау — он в гостях у знаменитого «Юнкерса» и т. д. и т. д.

Трудно сказать, какая страна, какое правительство оказали ему более пышную встречу. Хуже всего его встречали в Индии. Индийский вице-король давно уже заготовил к (приезду падишаха почтенный, с соблюдением всех традиций, план встречи торжеством, посещениями, визитами, парадами и т. д. Но Аманулла сел в автомобиль и помчался в мусульманские кварталы Бомбея, населенные беднотой. Это понравилось индийским му-

сульманам, целовавшим следы шин падишахского автомобиля, и совсем иное впечатление произвело в вице-королевском дворце. Внезапно все высокие должностные лица в Индии заболели гриппом, и Аманулла получил возможность проводить время по-своему.

Зато в Европе его встречали «по-царски». Не счесть всех банкетов, парадов, приемов и встреч в честь Амануллы. Он видел почетные караулы из берсельеров и немецких шутцманов, саженных парней королевской английской гвардии и шотландских стрелков. Все, что свидетельствует о политической, экономической и, главное, военной мощи страны — было показано азиатскому монарху. Английская эскадра устроила для него маневры. Он плывал на подводной лодке и спускал холостые мины, парил в воздухе над Эйфелевой башней и смотрел, как метко стреляют знаменитые 75-миллиметровые пушки Кресо, знакомство падишаха с которыми не понравилось английской консервативной прессе. Коронованные особы и правительства европейских великих держав проявили максимум внимания к падишаху и его супруге. Все большие газеты поместили портреты обоих крупным планом, вместе с портретами английского и итальянского короля и королевы, французского и германского президентов.

Можно без ошибки сказать, что если бы Аманулла приехал в Европу лет на 15 раньше, его бы не встречали с такой помпой. Недавно ту же Англию посетил египетский полуассальский король Фуад. Встреча была много проще. 15 лет назад афганский король мало чем отличался от египетского короля-марионетки. Афганистан только по имени был свободной страной, на самом деле Англия хозяйничала на всем протяжении этой огромной страны и предшествен-

Аманулла-хан

ник Аманулы, Абдур-Рахман, заслужил в истории кличку «английский нукер», что значит лакей.

Заключенные между Аму-Дарьей и верховьями Инда, в горных местностях, воинственные афганские племена долгое время успешно отстаивали свою независимость от двойного напора англичан и русских. Англичане столкнулись с афганцами раньше и наступление их было упорнее, и по-

тому, придвинувшиеся с севера к афганской границе только во второй половине прошлого века, войска «белого царя» казались некоторым афганским вождям силой, на которую можно опереться в борьбе с англичанами.

Постепенно и англичане и северные «союзники», русские империалисты, отхватывали у Афганистана область за областью. Трудно было плохо вооруженным, хотя и воинственным племенем, бороться на два фронта. Но, несмотря на это, таких поражений, какие наносили британским войскам афганцы, не наносил никто. В 1838 г. началась первая англо-афганская война. Пятитысячный, прекрасно вооруженный, отряд англичан проник в самое сердце Афганистана и занял столицу страны — Кабул. Но когда, казалось было, война закончилась уже в пользу англичан, поднялись внезапно все племена от Инда до персидской границы, и английская экспедиция была целиком уничтожена. Спасся только один человек — доктор Драйден.

Столь же неудачна для англичан была и вторая война с Афганистаном в 1878—80 г.

В конце XIX века русские войска захватывают Мервский Оазис и почти вплотную подходят к афганским границам. Афганистан оказывается между молотом и наковальней. В 1907 г. Англия подписывает соглашение с царской Россией о разделе сфер влияния в Передней Азии, и Афганистан попадает целиком в сферу английского влияния.

В 1919 г. в Кабуле происходит переворот. Молодой, энергичный, передовой националист Аманулла свергает английского нукера, Абдур-Рахмана, и вся военно-дипломатическая работа англичан, приведшая их к владычеству над этой страной, летит к чорту. Через несколько дней после переворота начинается новая война между Англией и Афганистаном. На этот раз у Англии были развязаны руки, но это не помешало афганцам выйти победителями и из этой последней борьбы.

Это случилось потому, что на севере у афганской границы больше не было империалистической царской России, потому что вместо казаков стояли здесь красноармейцы, дружелюбно настроенные по отношению к свободолюбивым, борющимся с английским империализмом, афганским племенам.

Рабоче-крестьянская республика первая признала новое афганское правительство. А после нее вынуждены были признать его и все остальные державы. Сейчас Афганистан — единственное, по-настоящему свободное, национальное государство Азии, если не считать Японии. Оно раскинулось в гористых местностях восточного Ирана, между Персией, Китаем, Индией и Советским Союзом. Персия и новая Турция тянутесь к Афганистану, пытаюсь создать союз азиатских государств. Между Индией и советской Средней Азией

лежит афганская территория. Отсюда ясно, что политическое значение Афганистана велико, а отсюда и интерес к его правителю, разъезжающему по Европе. Французы не даром показывали Аманулле завод Крезю. Они рассчитывают на хороший заказ на 75-миллиметровые пушки. «Фиат» кажется уже заполучил заказ на 150 автомобилей. Но самое главное — это борьба за влияние в Афганистане между Советским Союзом и Англией.

Аманулла — это не простой король. Это король-реформатор, пытающийся наперекор местным феодалам, духовенству и старому купечеству, вытянуть свою страну за уши из средневекового быта к современной культуре.

Весь афганский народ дружелюбно настроен к Советскому Союзу и Афганский падишах, считающий себя слугой своего народа, разделяет эти дружелюбные чувства. Он нередко говорит об этом вслух.

На приеме у итальянского короля, когда этот последний напомнил ему, что Италия первая признала Афганистан, он ответил речью, в которой внес поправку в слова хозяина. «Да, мы помним, — сказал он, — что Италия была первой союзной страной, признавшей Афганистан».

Первой из союзников, но не первой вообще, потому что первой вообще был СССР.

И, наконец, самый маршрут. Сколько дипломатических переговоров предшествовало поездке. Англия предпочитала, чтобы Аманулла сначала поехала в СССР, не блещущий богатством, а оттуда в Европу, в ослепительный Париж и величественный Лондон. Ведь последнее впечатление решающее. Но Аманулла сделал по своему. Он решил объехать Европу, а потом переоценить виденные ценности, посмотрев на новое строительство Советского Союза, к которому он относится с глубоким интересом. Вот почему так изо всех сил стараются лорд-мэры западных столиц и церемониймейстеры западных дворов. Им нужно пустить в глаза азиатскому монарху такой фейерверк, память о котором не рассеялась бы на необозримых пространствах Советской России.

Но Аманулла, как мы видели, не забывает о дружественной стране в европейских столицах. Это служит порукой тому, что, приехав к нам, он сумеет рассмотреть в щелчке и пыли нашей стройки величественные линии здания грядущего.

А. ЗАРИН. Исторический рассказ.

Рисунки Пестинского.

Содержание первой части:

В населенную иноземными пришельцами Немецкую слободу приезжает удивительный и странный человек, Иоганн Кульман, который зовет к созданию новой жизни, чуждой зависти и вражде, господству и притеснению. Эти горячие речи вызывали и на Западе злобу светских и церковных владык; то же самое произошло и здесь, в Москве.

Патер Корнелиус, хитрый иезуит, убирает ненавистного ему проповедника: он заставляет немецкого ремесленника Тингофа написать на Кульмана донос в один московский приказ. Тингоф ревнует к проповеднику любимую им девушку Эльзу и поддается злему внушению патера.

Кульмана арестуют и увозят в приказ.

V.

Маленький старик с тонким носом и длинной узкой бородой, в суконном кафтане и золотом расшитой тюбетейке сидел в красном углу под образами в избе дворцового приказа и его воспаленные глазки, как шпилья, впивались в лицо Иоганна Кульмана, который стоял перед ним у стола с завязанными за спиною руками.

Красивое лицо его было бело, как бумага; золотистые волосы в беспорядке висели длинными прядями; на лице были следы крови, но глаза его смотрели спокойно и твердо.

Подле него стоял заплочный подмастерье босоногий в пестрядиной рубашке с растегнутым воротом, обнажившим бычачью шею.

За столом, рядом со старым воеводою, сидел толстый дьяк с окладистой рыжей бородою и тут же у края стола приткнулся красноносый писец.

— Ну, так вот и сказывай, — проговорил тонким голосом воевода, — кто ты и откуда, и зачем сюда приехал? А?

Кульман покачал головою и ответил:

— Их ферштее ниht.

— Их, них, — повторил воевода, — отвечай толком! Кто ты? Кульман, Иван?

— Я.

— Ну да, ты! А зачем приехал, откуда?

— Их ферштее ниht — повторил Кульман и улыбнулся.

Воевода вспыхнул.

— Опять их, не их! дай ему раза, Степка! — крикнул он и в тот же миг страшный удар кулаком под подбородок оглушил Кульмана.

Он откачнулся, но Степка поддержал его сильной рукой.

— Прочти ему, Яков Тарасыч, подметное письмо! — сказал воевода.

Дьяк взял лист бумаги, откашлялся и прочел:

«Объявился в Кукуй-городе некий, именем Иоганн Кульман, родом из Саксонии. И тот Кульман народ мутит и сказывает что бога нет, и царей не надо и чтобы холоп был в версту с боярином. И сказывает, что у нас царей извести надо. И тот Иоганн Кульман стоит у аптекаря Генриха Штрассе и всюду свои речи воровские говорит».

Дьяк крякнул и замолчал.

— Ну, слышал? — обратился воевода к Кульману, про тебя писано? ась?

— Их ферштее ниht, — повторил Кульман.

— А! ты все свое! — закричал воевода — Степка, веди его в застенок! там заговорит!

Степка ухватил Кульмана за плечо и рванул за собою в низкую дверь смежной горницы.

Воевода в ярости застучал кулаком, но тут заговорил дьяк.

— Занапрасно мы возимся с ним, боярин, — сказал он, — видимо он по нашему не понимает, а мы его собачьего языка не знаем.

— Так, ведь, я ему по-русски говорю.

— А ежели он басурман. Что поделаешь. Только время теряем, а у нас другие дела.

— Так что же делать?

— Толмача надоть. Нельзя без толмача. Взять кого из их Кукуй-города.

— А они покрывать его будут.

— Возьмем верного человека. Там у них есть вроде как наши попы. Такого и возьмем.

Воевода вздохнул.

— Ин быть по-твоему! На завтра толмача достань. Дело важное, государево дело.

Он встал из-за стола и сказал заплочным мастерам:

— В яму его! да в колодку забить, а утром, как приду, его в первую очередь!

Он вышел, а Кульмана, не надев на него камзола, поволокли в яму, тесную, смрадную тюрьму при застенке.

Волновались все в немецкой слободе, но волнение еще более усилилось, когда на рассвете следующего дня пришли стрельцы из приказа и увели за собою пастора Гейдлица.

Пастор едва шел от волнения и стрельцы, подхватив его под руки, со смехом тащили по улице.

Словно туча нависла над слободой и каждый думал, что завтра, может быть, придут и за ним.

Только один Корнелиус был спокоен и его бритое лицо не выражало никаких чувств.

Гейдлиха привели в приказную избу и там его встретил толстый дьяк.

— Ты будешь Гейдлик, басурманский поп? — спросил он.

Гейдлик ответил.

— Ну, вот! — сказал дьяк, — вчера мы взяли к себе Ивана Кульмана. Надо ему допрос чинить, а он по-русски не понимает, а мы вашего собачьего языка и знать не хотим. Так ты в толмачах будешь. Понял?

Гейдлик только кивнул.

— Присягу дашь, что его покрывать не будешь, а ежели что слукавишь, мы тебе ужо попомним. Понял?

Гейдлик вздохнул.

— Жди! — и с этими словами дьяк открыл в стене тайничок, достал из него сулею, стопку, кусок пирога и стал есть, запивая еду из сулей, и скоро лицо его стало красным, как кумач.

В избу пришел писец и только разложил бумагу, очинил перо и поставил чернильницу, как в избу вошел и сам воевода.

Он был, не смотря на жару, в горлатной шапке и широкому опашне.

Дьяк и писец поспешно помогли ему раздеться.

Он перекрестился на образ и тотчас спросил:

— А что толмач?

— Тут, как обещал твоей милости, — ответил дьяк, — вот он, а звать его Гейдлик и будет он у них как наш поп, только басурман и еретик.

Воевода посмотрел на Гейдлиха Маленькими глазками и молча погрозил ему.

— Ну, идем что ли! — крикнул воевода и быстро прошел в низкую дверь в помещение застенка.

Следом за ним прошли дьяк, писец и Гейдлик.

Там стояли уже заплечный мастер со своими подмастерьями и Иоганн Кульман в растерзанной рубаше, с бледным, измученным, но спокойным лицом.

Он взглянул на Гейдлиха, слабо улыбнулся и сказал:

— Добрый день! Я не знаю, за что меня взяли и что от меня хотят, но вчера...

— Эй, помолчи! — закричал дьяк, — скажи, чтобы он молчал! будет говорить, когда спросят.

— Молчите, гер Кульман, — дрожащим голосом пролепетал Гейдлик, — они будут спрашивать, тогда отвечайте. Не сердите их!

— Ну, ну, что-то говоришь много! — крикнул воевода, — подведите его!

Два палача взяли за руки Кульмана и подвели к столу.

— Теперь будем спрашивать, а ты переводи! Яков Терентьич, чини допрос, а ты, Федька, пиши!

Воевода провел рукой по козлиной бороде и впился в лицо Кульмана острыми глазами.

Дьяк взял лист бумаги, откашлялся и начал допрос.

Кульман отвечал ясно, спокойно и Гейдлик передавал вопросы и ответы.

— Звать тебя?

— Иоганн-Фридрих Кульман.

— Годы твои?

— 32 года.

— Откуда родом?

— Из Саксонии, из города Зильца.

— Веры какой?

— Верую в истину и любовь и ищу счастья людям.

Гейдлик запнулся на этом ответе, но перевел его.

— Нехристь, значит, — заметил воевода.

— Где раньше был? зачем к нам приехал?

— Везде был. В Бельгии, в Голландии, в Швеции, в Англии, в Дании, в Италии, в Данциге, в Генте, в Гамбурге, во Франции и в Чехии. А сюда приехал за тем, чтобы учить своих братьев, как найти на земле счастье.

— Намолол, — пробормотал воевода, — спрашивай его далыше.

— Колдовать умеешь? с нечистым знаешься? ворожбу разумеешь?

— Ничего не знаю этого.

— Что про наших государей говорил?

— Ничего не говорил.

— Замышлял на их царское здоровье?

— Ничего не замышлял.

— Так, — перебил дьяка воевода, — теперь он во всем запирается будет. Надо теперь правды искать. Поднимите его ребята!

Заплечные мастера рванули Кульмана, завернули ему за спину и взяли их в ременной хомут, которым оканчивалась веревка, перекинутая через блок. Следом за этим связали ему ноги, просунули в них жердь и один из парней стал на нее ногами, другой ухватил веревку за свободный конец и потянул ее книзу.

Руки Кульмана вывернулись и поднялись. На лице его отразилась мука и на лбу выступил крупный пот.

Парень сильнее потянул веревку. Руки совсем поднялись, что-то хрустнуло и они вытянулись над головой Кульмана.

Палач ухватил кнут, скрученный ремень в 2 пальца толщины, в полтора аршина длины, и с размаха ударил по вытянутой спине Кульмана.

Он вскрикнул. Гейдлик отшатнулся и обессиленный прислонился к стене.

Еще и еще! раз и раз! Натянутая кожа лопнула и кровь облила спину.

Кульман взматывал головой при каждом ударе и глухо вскрикивал.

Стой! — сказал воевода, — спустите его. Спрашивай, Яков Терентьевич!

Верёвка ослабла, ноги Кульмана коснулись пола и руки бессильно упали за спину.

Он зашатался, но подмастерья подхватили его и держали.

— Говори теперь, — сказал дьяк, — колдовать умеешь? ну, ты, толмач?!

Гейдлик очнулся при этом окрике и слабым голосом повторил вопрос, а потом ответ Кульмана.

— Нет.

— Что про наших государей говорил?

— Ничего не говорил.

— Замышлял на их царское здоровье?

— Ничего не замышлял.

Лицо Кульмана стало опять спокойно и голос звучал уверенно и твердо.

Воевода покрутил головою.

— Что с ним, басурманом делать? Эй, дайте ему встряску! — приказал он.

Палачи тотчас ухватились за веревку и, уже не придерживая ног Кульмана, быстро потянули ее вниз.

Руки Кульмана взметнулись кверху, натянулись и он сразу поднялся от пола и повис на вывернутых руках.

Палачи вдруг ослабили веревку, от чего он быстро опустился, и снова сразу натянули ее, от чего тело Кульмана взметнулось кверху. Казалось, руки его должны были оторваться от тела.

Раздался резкий хряст и глухой стон.

— Опускай! — крикнул воевода.

Кульман безжизненно упал на пол.

Палач зачерпнул ковшем воды и облил ему голову. Кульман очнулся.

— Спрашивай его, Яков Терентьевич! про тетради его спроси.

Дьяк спросил:

— Вот у тебя книга сыскана и две тетради. Твои они?

— Мои.

— Что в них писано?

— В них я записал все свои мысли. Это мое сочинение о том, в чем счастье и как его можно достать.

— А книга?

— Книга эта называется священным писанием, библией.

— Священное писание словянским уставом писано, а не такими фиглями, — сказал воевода.

— Говори теперь, — спросил опять дьяк, — злоумышлял на царское здоровье?

— Ничего не злоумышлял.

И Кульман опять лишился чувств.

— Ишь ты, жидкий какой, — с усмешкой сказал воевода, — огнем его что ли прощупать? а?

— Нет, боярин, — ответил дьяк, — из него весь дух уйдет. Отложить надобно. Гляди, и толмач сомел.

Гейдлик был бледен, как холст, и крупные капли пота покрывали его лицо.

Воевода усмехнулся.

— Хлибкий народ. Ну, ин быть по-твоему, на седни довольно! Завтра отлежаться дадим, а после завтра опять за него.

Воевода встал.

— Уберите его. Можно без колодок оставить.

Они перешли в приказную избу. Гейдлик, едва двигая ноги, прошел за ними.

Воевода обратился к нему:

— Иди домой, немец, а после завтра с утра будь тут.

Когда в назначенный день и час Гейдлик снова пришел в приказ, дьяк сказал ему:

— Вороти оглобли. Можешь домой итти, — и пояснил, — злыдня вашего в патриарший приказ перевели. Слышь, чернокнижник он.

Руки Кульмана вывернулись и поднялись.

VI.

Дело Иоганна Кульмана всполошило и весь духовный синклит с патриархом во главе, и царевну Софью, правительницу, до которой дошли о нем слухи.

Из дворцового приказа воевода переслал тетради Кульмана в патриарший приказ, чтобы там разобрали их.

Из патриаршего приказа переслали тетради в законопасскую школу, где славились своею ученостью братья Лихуды.

Содержание тетрадей оказалось на латинском и немецком языках. Лихуды не знали немецкого языка, но то, что прочли по латыни, повергло их в ужас, и они отписали в патриарший приказ, что «писание, присланное им, составленное неким Иоганном Кульманом, содержит в себе столь великие ереси и столь противны церкви и царским особам, что их надлежит сжечь вместе с их составителем, ибо все слова его от дьявола».

Воевода патриаршего приказа тотчас доложил о таком деле патриарху и патриарх всполошился.

И так довольно борьбы с раскольниками, а тут новая ересь, — и он приказал перевести Кульмана в свой приказ, а тетради для большего разъяснения показать еще немцам.

Немцы не разобрались в писаниях Кульмана, так как в большинстве они были мастера и ремесленники, и философский, теологический язык не был им доступен.

Пугливый патриарх Иоаким в тот же день был у правительницы Софьи и передал ей об открытом воровском деле, с отзывом о нем Лихуды.

— А что на его языке писано, того никто разобрать не мог. Может, там и не такая ересь, а пушная.

— Самого его допросить надо отче, — сказала Софья, — и так думаю: вместях допросить его. Я буду, князь Василий, ты отче с настоятелем Троицко-Сергиевского монастыря, да воевода твоего приказа. И пусть он всю свою ересь сам скажет.

— По нашему то он не говорит.

— Толмача возьми. Возьми Винуиса из аптекарского приказа. Он человек верный, хоть и немец.

И, по слову правительницы, Иоганна Кульмана привезли в Кремль, в царские палаты, и там в дворцовых сенях учинили ему допрос.

В высоком кресле сидела правительница, позади ее стоял князь Голицын, рядом в кресле сидел патриарх Иоаким, а ниже на табуретках сидели воевода приказа, настоятель Троицко-Сергиевской лавры, келарь, настоятель Успенского собора и дьяк приказа, а в сто-

роне за столом сидели писцы для записи показаний.

Истерзанного пытками, закованного в цепи привели Иоганна Кульмана перед высокое судилище. По сторонам его стояли два заплечных мастера и тут же был доктор Виниус, как переводчик.

Приказный дьяк повел допрос.

Иоганн Кульман назвал себя и рассказал о своих странствованиях до прибытия в Немецкую Слободу.

— А зачем ты приехал к нам, в Московию?

— Затем, что здесь много моих земляков, немцев, и я хотел, чтобы они приобщились к истине. Я несусобою свет и правду, — ответил Кульман.

— В чем она? — быстро спросила Софья, — пусть он скажет.

Виниус передал слова правительницы и лицо Кульмана вспыхнуло румянцем, а глаза засветились.

Он выпрямился и заговорил звучным голосом.

— Крутом неправда, зло и насилие. Одни тонут в богатстве, другие пресмыкаются в нищете. Одни проводят время в бездельи, разврате и чревоугодии; другие изнывают в непосильных трудах. Одни господа, другие рабы. И все это несправедливо. Не должно быть этого, потому что все люди — братья и все равно должны добывать хлеб свой в поте лица своего. Не должно быть ни сильных, ни богатых, ни знатных. Все — люди. И все у всех должно быть общее. И земля, и вода, и нивы, и сады, и жилища. Не должно быть денег, этого источника зависти и власти над бедными. Один делает одежду, другой печет хлеб; один обрабатывает землю, другой кует молотом. И все работают друг для друга. Собираются люди в общины, общины собираются в союз, союзы в царство божие на земле.

— А церковь, а священство? — спросил настоятель лавры.

— Церковь — это союз людей в любви и согласии — ответил Кульман, — а священства не надо, потому что каждый имеет свою совесть.

— А кто же будет крестить, хоронить, венчать, совершать таинства?

— Друг у друга могут и окрестить, и похоронить, и повенчать. В любви к ближнему — весь завет; мертвому ничего не надо, кроме гроба, а для мужа и жены нужна любовь друг к другу.

— И благословения церкви не надо?

— Церковь это собрание любящих друг друга, живущих в согласии и общем труде.

— В бога то ты веришь, поганый еретик? — старческим голосом закричал патриарх.

— Бог есть истина и любовь — ответил Кульман.

Правительница тяжело перевела дух и перегнувшись в кресле спросила:

— А богом помазанные цари где у тебя будут?

— Их не будет, — ответил Кульман, — они будут, как все.

Софья откинулась, как от удара.

— А как будут судить и казнить за дела разбойные и татевные? — спросил князь Голицын.

— Когда не будет ни богатых, ни бедных, когда не будет ни господ, ни рабов — тогда не будет ни воров, ни разбойников и не нужен будет суд.

— Уведите его, — глухо сказала Софья. Лицо ее раскраснелось, глаза горели.

Кульмана увели.

Софья сказала:

— Это и еретик и вор. Если его станут слушать, то он будет страшнее Стеньки Разина, проклятого церковью. Отче, что ты скажешь?

— Исчадие адово, — сказал патриарх.

— Сжечь его — сказал настоятель лавры.

VII.

В садике сидели Эйхе с Лизою и пришедшие к ним Эдуард Винклер с Стронгом и старик Штрассе.

Ни о чем другом, кроме Кульмана и его страшной участи, они говорить не могли и не хотели.

— Если бы узнать, кто донес на него, — сказала Лиза.

— Что бы было? — ответил быстро Винклер, — правда, мы бы узнали, кто этот негодяй, но чем помогло бы это нашему Иоганну.

— Ничем, — подтвердил Штрассе, — завтра я пойду к Виниусу и спрошу, что он знает. Он лечит царских особ и бывает на верху.

— А потом? — спросил Эйхе, и на этот вопрос никто не нашелся что ответить, и все замолчали в тяжелом раздумьи.

— Мы не можем ему помочь, — тихо заговорил Эйхе, — нас только терпят московиты, но не любят. Никто нас и слушать не станет.

— Но что с ним будет? — воскликнула Лиза.

— Разве можно сказать? — ответил Штрассе, — может быть отрежут язык и пошлют в Сибирь, может быть... казнят, — окончил он тихо, и прибавил, — они все могут и никогда нельзя знать, чего ожидать от них. Они азиаты, они коварны и скрытны...

И опять наступило молчание.

— Добрый вечер! — вдруг сказал громко Винклер, — ты из города и, может быть, принес какие-нибудь вести?

Все вздрогнули и оглянулись.

У невысокой изгороди стоял Яков Тингоф.

Лицо его было бледно и угрюмо. Он стоял у изгороди, но ни на кого не глядя и не отвечая на привет, глухо проговорил:

— Вести есть из Москвы. Вашего пророка судили сегодня утром и присудили сжечь.

— Что? — не своим голосом закричала Лиза.

— Войди, Яков! — сказал Эйхе, но Тингоф трянул головой, отшатнулся от изгороди и огромными скачками помчался по улице.

— Что же это? — спросил Стронг.

— Он словно безумный, — сказал Винклер.

— Немудрено, — ответил Штрассе, — я сам словно обезумел. Сжечь! ах, эти дикари!

Лиза окаменела.

— Ах, этого не может быть! — простонала она, и, шатаясь пошла в горницы.

— Что с тобой Лиза? — спросила Каролина, увидев ее бледное лицо и ужасом расширенные глаза.

— Мама, его хотят сжечь! живым сжечь! — прошептала Лиза и опустилась на стул, закрывая лицо руками.

Тингоф сказал правду.

На другой день утром Штрассе был у Виниуса и тот подтвердил эту страшную весть.

— Виниус удивляется нашему Кульману, и говорит, что такого человека он еще не видел — рассказывал Штрассе пришедшим к нему соседям, — он самой правительнице и патриарху говорил, что не нужно людям ни царя, ни судьи, ни священников. Что люди рождены для любви и согласия, что не должно быть рабов. Все что говорил он нам, он повторил им и они все испугались его речей. Виниус переводил и дрожал от страха, но он не мог передать его выражений, силу его речи. Он говорит, что Иоганн истинный пророк.

Гейдих скорбно качнул головой.

— А когда казнь? — тихо спросил Эйхе.

— О ней объявят у нас на базаре, — ответил Штрассе, — я пойду проводить его.

В этот день во всей слободе не слышно была ни пения, ни смеха, ни веселых голосов.

Лиза, казалось, окаменела. Она двигалась, как кукла, не слышала окликов отца и матери, и глаза ее смотрели куда-то вдаль.

На другой день на базарной площади раздался звонкий голос бирюча, извещавшего, что 16-го июля в 9 часов утра на Козьем болоте будет сожжен вор, смутьян и еретик Ивашка, по прозванию Кульман, выходец из Саксонии.

И голос его звенел каждый день от 8 часов утра до 10-ти, до самого 15-го числа июля месяца.

— Я пойду, отец, — тихо, но решительно сказала Лиза.

— Мы все пойдем, — ответил Эйхе, — и я, и Каролина, и ты, и Штрассе и все, кто его близко узнал.

VIII.

Едва взошло солнце, как все, кто успел полюбить Иоганна Кульмана, двинулись из Немецкой слободы.

В цветных камзолах, в чулках и башмаках, в коротких штанах и с косицами на спинах, они представляли для москвичей забавное зрелище.

Встречные поп, купец или дьяк поспешно сторонились, крестились и отплеывались, говоря:

— Ишь, сколько у нас нечисти расплодилось.

А холоп, стрелец или мальчишка, начинали казать им кукиши, кидать всякую дрянь и кричать:

— Кш... кш... кургузый кукуй!

Наконец, они пришли на Козье болото, широкое поле, поросшее травой и бурьяном.

Там уже толпился народ, охочий до зрелищ казни.

— Мы в стороне станем, — сказал Штрассе, идя к месту казни.

— Собрались кургузые на своего смотреть, — заговорили в толпе.

— Всех бы их окаянных в огонь покидать, — выкрикнул какой-то ярыжка.

Женщины пугливо прижались к мужчинам. Эйхе выпрямился во весь свой рост, Винклер сжал в руке крепкую палку.

Они обошли место казни и стали в стороне.

Посреди площадки стоял сруб, словно для колодца, в восемь венцов высотой. Около него грудой были навалены сучья, щепки, стружки и стояла большая бадьа с дегтем.

Вокруг кольцом стояли стрельцы с бердышами и отгоняли теснившихся зевак, а два заплочных подмастерья в синих рубахах и кожаных фартуках беспечно пересмеивались со стрельцами и праздной толпой.

Вдруг все всколыхнулось.

— Везут! — донеслось до Лизы, и она пугливо прижалась к отцу.

По дороге показалась пыль. Столб ее медленно приближался и Лиза увидела стрельцов с сверкающими бердышами, а за ними лошадей, везущую телегу, и на этой телеге — Иоганна Кульмана. Он сидел на высокой скамье, закованный в железные цепи. Измученное тело его сгибалось, лицо его исхудало, но печать величавого спокойствия лежала на нем.

Рядом с ним сидел палач в красной рубахе, с засученными рукавами, с рыжими волосами, стянутыми ремешком.

Позади телеги ехала колымага и шествие замыкали опять стрельцы с бердышами.

— Ишь какой! — раздалась в толпе возгласы, — я думал старик!

— Шуплый, да хлибкий!

— Колдун, сказывают.

— В глаза ему не смотри. Сразу болесть напустит!

— Железо-то будут снимать, али так?

— Зачем снимать. Не сгорят, чай!..

Телега подъехала к срубу и остановилась. Палач спрыгнул на землю, а два заплочных подмастерья помогли сойти Кульману, ухватив его под руки и опустив с телеги.

Он поднялся сам, гремя цепями, но пошатнулся и упал бы, если бы его не подхватили.

Лиза вскрикнула и закрыла глаза.

Эйхе прижал ее к себе и сказал:

— Веди себя осторожно, девочка. Кругом дикие люди, и нам всем может быть худо!

Лиза, дрожа от волнения, открыла глаза.

Кульман стоял между двумя палачами.

Теперь, совсем вблизи, можно было видеть, сколько он перенес страданий. На исхудавшем теле его висели окровавленные лохмотья и видна была его спина, покрытая кровавыми рубцами.

Руки, отягченные цепями, бессильно висели вдоль тела, и босые ноги гнулись в коленях.

Но лицо его было спокойно, на нем блуждала тихая улыбка, а глаза светились внутренним огнем.

Лиза бессильно прислонилась к отцу, и слезы хлынули из ее глаз.

— Крепись, девочка! — тихо сказал Эйхе, прижимая к себе дочь.

Из колымаги вышли дьяк, подьячий и доктор Винуус, как переводчик.

Дьяк остановился перед Кульманом и развернул свиток.

— Читай ему! — сказал он подьячему, и обратился к Винуусу: — а ты толмачом будешь.

Подьячий взял свиток, откашлялся и громким, надрывным голосом стал читать:

— Мы, божьим соизволением, Иван пятый и Петр первый, цари великой и малой Руси, казанские, астраханские, всея Сибири и других прочих земель, с соправительницею царевною Софиею, вкупе с партиархом вселенской православной церкви, слушали воровские дела еретика и вора Ивашки, прозванием Кульман, пришедшего из немецкой земли Саксонии, и тот вор и еретик Ивашка сказывал нам, соборне, что в бога не верит, церкви не почитает, св. таинств не знает и сказывал, что жить надо всем вровень, боярам, дворянам и помещикам верстаться по холопам и рабам, и что нет нужды ни в праведных судьях, ни в богом поставленных царях.

И за такие еретические и воровские речи его присудили мы, цари Иван пятый и Петр первый со соправительницею царевною Софией, вкупе с патвиархом, того Ивашку, по прозванию Кульман, крепко пытать, а после сжечь в срубе. Лето от творения мира 7194, месяца юля, дня 16-го».

Винуус быстро переводил слова приговора, Кульман стоял поддерживаемый заплочными мастерами, и лицо его словно светилось тихой радостью.

Подьячий замолчал, свернул свиток и передал его дьяку.

Дьяк мотнул головою и сказал:

— Я, дьяк патриаршего приказа, приставлен на то, чтобы сей приговор обратить в действо. Эй, вы! — крикнул он палачам, — делайте свое дело.

И все совершилось словно в мгновение.

В полубесчувственном состоянии Лиза видела, как палач повел Иоганна, как два заплочных мастера вскочили на венцы сруба, подхватили осужденного под мышки, подняли и опустили в сруб, а затем соскочили,

быстро забросали сруб стружками, щепками, соломой, и залили сруб дегтем, запах которого разнесся по воздуху.

Лиза видела только израненные голые плечи Кульмана и его бледное лицо с горящими глазами.

Палач наклонился над жаровней, от раскаленных углей зажег длинную осмоленную лучину, подошел с ней к срубам и положил на залитые дегтем стружки.

В тот же миг вспыхнуло пламя, огненные языки в клубах черного дыма взвились кверху и скрыли от глаз Кульмана.

Толпа глухо ахнула.

— Прощайте, братья! — вырвался из огня и дыма звонкий голос Кульмана.

— Ауф видер зейн! — крикнула Лиза и лишилась чувств.

Корнелиус сразу не заметил иступленного вида Тингофа и, закрывая молитвенник, сказал:

— А! добрый день, мастер Тингоф! Ну, как подвигается наша работа.

Он тут же в страхе отшатнулся, но Тингоф ухватил его за плечо и проговорил:

— Твоя дьявольская работа подвинулась. Я донес и его сжигают! Ты — дьявол, соблаздивший мою душу, обративший меня в Иуду!

Патер Корнелиус побледнел и пытался вырваться, но железная рука Тингофа крепче сжимала его плечо и гнула к земле.

— Я казню себя, — снова заговорил Тингоф, — мне нет места среди честных людей, но и ты, семя дьявола, будешь помнить о своем черном деле. Вот знак тебе! Твоим богом отмечу тебя! — и с этими сло-

Пламя и дым стояли над срубом тяжелым высоким столбом.

Затрещали бревна сруба и желтые языки стали взметываться среди черного дыма и багрового пламени.

Казнь совершилась...

Кульман был сожжен в Москве на Козьем болоте 16-го июля 1668 года.

Это был первый коммунист на Руси.

В тот самый час, когда в пламени костра задыхался Иоганн Кульман, патер Корнелиус закончил утреннюю службу, сказав своим прихожанам:

— «В этот час происходит казнь через сожжение еретика и слуги дьявола, Кульмана. Того самого, который хотел смутить ваш покой и от которого я защитил вас, как пастырь своих овец от хищного волка.

После этого он пришел к себе домой и в ожидании вкусной еды, которую ему готовила краснощекая вдова бочара, Марта, ходил по дорожке своего сада с молитвенником в руках.

Вдруг распахнулась калитка и в садик вбежал Яков Тингоф. Он был без шапки и волосы его беспорядочно падали на лицо и на плечи.

вами он поднял руку и с силой ударил распятием по лицу Корнелиуса.

Конец креста сорвал кожу со щеки патера и кровь покрыла его лицо.

— Пока не расколется! — злобно крикнул Тингоф, и продолжал наносить удар за ударом, кровеня лицо Корнелиуса.

Крест ударил по глазу и вырвал глаз; ударил в щеку и ранил ее.

Тингоф в последний раз ударил его разломанным крестом, швырнул крест, а затем подбежал к старой липе, с ловкостью кошки взобрался по стволу до толстого сука и сел на него.

Сидя на суку, он вытащил из-за пояса веревку, привязал ее к суку, надел на шею петлю, сделанную на другом конце веревки, и с легким криком спрыгнул с сука.

Тяжесть тела согнула сук, потом он выпрямился, подбросил тело, а затем оно опустилось и повисло на туго натянутой веревке.

ПОВЕЛИТЕЛИ КАНДЖУТА

(Похождения соработника в Северной Индии).

Из путевых набросков Пограничника.

Рисунки И. КОРОЛЕВА.

Индийская газета «Аллагабад Ньюс», в № от 27 декабря 1927 г., поместила статью какого-то английского чиновника за подписью «Кол. Джи Эйч — сон» под заглавием «У истоков Инда». В этой статье автор, очевидно, только что вернувшийся из Канджута, упоминает о встрече со мной, бывшей у него, якобы, в Бальтите. Описывая меня, как «утрюмого, широкоплечего детину, славянско-монгольского типа, с низким лбом, грязной русой бородой и огромными кистями рук», он прибавляет, буквально, следующие строки: «это был любопытный экземпляр человека — этот шпион. Он мог служить прекрасным образцом коварства, которым московские правители, верные политике натравливания туземцев на англичан, посылают к нам своих эмиссаров и доказательством близорукости индийского правительства, глядящего сквозь пальцы на то, что делается в Канджуте, Кашмире и Читрале — у подступов к нашему Пенджабу. Русский был захвачен в одном из горных поселков, куда он доставлял транспорт оружия, предназначавшийся для нападения на караван канджутского резидента, г-на Дьюренти, следующий в Пешавер. Привезенный в Бальтит, он пытался взбунтовать сипаев канджутского хана и, отправленный внутрь страны, исчез с дороги при весьма таинственных обстоятельствах, о которых еще не время сообщать в печати».

Вот все, что пишет обо мне автор статьи. Все это наглая и сознательная ложь. Единственное соответствующее истине в этой официозной белибде — то, что почтенный корреспондент «Аллагабад Ньюс», действительно, мог меня видеть в Бальтите, Теперь я припоминаю, что и я видел его. Это был маленький военный в полотняном кителе и пробковом шлеме, с лицом, похожим на гнилую грушу. Он сидел за чайным столом вместе с апоплексическим мистром Дьюренти, на террасе резидентского бангало. Меня привели туда, ослабевшего после трехдневного сидения в бальтитской тюрьме — в этом душном курятнике, полном блох, клещей и скорпионов. Я был связан от пяток до зубов и хавальдар (унтер-офицер) шимшалского пальтана бил меня в спину прикладом своей тяжелой одинадцатизарядки. Если корреспондент «Аллагабад Ньюс» действительно то лицо, за которое я его принимаю, то он должен знать историю того, как я попал в Бальтит. Постараюсь возможно точнее изобразить действительный ход вещей, насколько это позволит мне память и наличие места.

В начале лета 1927 года я был послан ЦУС Таджикистана для производства демографической переписи на кочковатых лугах Большого Памира. Памирские киргизы давали сведения неохотно и глядели на меня с подозрением. Особенности затруднения представлял учет количества юрт. Родовые старшины не допускали меня подсчитывать их,

утверждая, что нынешний год — по какому-то их счету — год Овна и это таинственное животное не допускает, во время своего господства, точных чисел. В действительности, как я понимаю, они просто опасались введения на Памире какого-нибудь налога, слухи о котором проникали из Ферганы в самом преувеличенном виде. Тем не менее, перепись проходила довольно удачно.

Я нагнал Кизи-Рабатский волостной совет приблизительно верстах в 80-ти от Н-го красноармейского поста. Юрта председателя была раскинута на холодном склоне горы, заросшей редкими кустиками травы «бубук», излюбленной яками. Дуд резкий ледяной ветер, крутя в воздухе сухие снежинки, медленно опускавшиеся на травяной луг. На этой «крыше мира», чорт ее побери, никогда не бывает дождя и даже в летние месяцы осадки выпадают в виде снега. Иногда кажется совершенно непонятным, как могли киргизы поселиться в такой стране? Отчего не бежали они на юг к своим степным собратьям, не переселились, наконец, на Западный Памир, где живут таджики, засевающие поля пшеницей и гималайским житом. Начинает казаться, что в другом месте они не могли бы жить, что им, как их быкам-якам, необходим холод, камень, ветер..

Председатель кочевого волостного совета в Кизил-Рабатском нагорье оказался коренастым широколицым толстяком с урюмом выдвинутыми вперед скулами и маленькими гноящимися трахомой глазами. Как я слышал, он был выбран председателем под давлением родовых старшин, к которым принадлежал и он сам. Все это — наследие старых ханских и бекских времен и нам, работникам, знающим местные языки и знакомым с бытом населения, часто приходится восстанавливать против себя могущественную родовую организацию, которая не терпит покушений на свою власть. Председатель по-европейски подал мне руку, хрипло представившись: «Бурханэдин-бай». Жена его, долговязая и старая, приняла у меня коня и, сняв с седла вьюк с моими вещами и регистрационными листками, откинула вход в юрту, откуда валил соленый и вкусно пахнувший дым. Юрта была полна народу. Вокруг разведенного посредине юрты костра, где на низкой треножке кипел огромный котел с разваренной бараниной, сидели грубые, широкоплечие киргизы. Они были одеты грязно и пестро, как не одеваются памирцы, которым свойственны только черный и желтый цвета. На головах их были разлезшиеся синие треухи с меховой оторочкой, увешанные блестящими амулетами из кожи и серебра. Их чекмени были расшиты разноцветными тесьмами, а широкие пояса сделаны из нежно-розового ситца, похожего на тот, из какого шьют себе рубашки женщины Мунджана и Зейбака. Это были, повидимому, не здешние люди. Я сел на коротком возле котла, согревая оковеневшие руки над ровным паром, клубившимся в юрте и выходившим через дымовое отверстие. Мое появление заставило всех примолкнуть и обменяться удивленными взглядами. Председатель рассеял неловкость и недоумение.

— Это чиновник советской власти, — сказал он урюмо и строго, — чиновник переписи. Переписывает скот и человеческие души — малваджан. Он скоро будет у вас, мусульмане, и вы скажете ему — сколько вы привезли золота и кашемирских ковров под кочевыми кошмами. Он запишет сколько у вас жен, сколько у вас баранов и, даже, сколько блох у вас в тюфяках. Ему все нужно знать.

— Иншэлле, — отвечал ему один из гостей, — если захочет бог, то и чиновник нас не тронет. И чиновники нахоятся в руках его и повинуются его законам.

Затем снова все замолчали. Председатель произнес короткую молитву, гости крикнули «аминь» и торопливо принялись таскать жирные куски мяса из дымящегося котла. Поев, гости вежливо рыгнули и, не сгибаясь, скользнули за широкую кошму, закрывавшую вход в юрту. Я поинтересовался, кто они.

— О них твоей заботы нет, товарищ, — пробурчал председатель, — делай свое дело. Эти люди — подданные английского падишаха — киргизы с реки Шимшал. Последнее семя нашего народа в горах. От них дальше на юг, до самого великого Комуса (океана), не живет ни один киргиз.

— Что они делают на земле Горно-Бадахшанской области? — спросил я, удивленный.

— Они не делают ничего, они пришли потому, что горы не принадлежат никому. Мир — это большой каменный дом и наша страна — его крыша. Крыша, устланная дерном и валунами, где ходит дым облаков и горный киргиз сторожит покой мира, как аист на крыше дома. Должен ли киргиз кого-нибудь спрашивать, чтобы возвращаться к себе на родину? Для нас нет границ. Индия, Китай, и Коканд — это луга, где могут пастись яки. Там, где не живет як — нет для нас земли. В прошлом году на пастбищах верхнего Шимшала случился джуг — гололеда — выпало много снега и он растаял и снова замерз. Все их стада погибли бы, если бы они не перешли на новые луга. Они перекочевали в наши земли — на Козий Валун и холодные луга Желтого Озера. Джуг миновал — они возвращаются обратно.

Услышав о таком событии, как перекочевка целого племени через границу, я сразу же решил, что должен, во что бы то ни стало, видеть их. Сколько мне известно, племя индийских киргизов или Гурама, открытое английским географом Т. М. Ферстером в 1896 году, еще не было обследовано ни одним советским работником. Я не мог упустить такого благоприятного случая и в тот же день, отложив перепись Кизил-Рабатской волости, выехал; в направлении пограничного урочища, носившего странное название Козий Валун. Меня сопровождал 16-летний киргизенок, один из родовичей Бурханэдин-бая, указывая мне дорогу.

Мы достигли урочища к вечеру. Тропинка все время подымалась по ровному широкому склону куда-то вверх. В урочище, приземистые и низкие, были раскинута равные войлочные юрты чужеземных гостей. Вокруг бродили малорослые, ширококорые яки, худые, облезлые и жалкие, пощипывая промерзлую траву. В тот момент, когда мы подъехали к самой большой юрте, у входа в которую висел «тук» — бунчук, украшенный черным конским хвостом, со всех сторон нас окружили люди в белых овчинах и с куцыми кремневыми карабинами в руках. Узнав во мне русского, они закричали: «мамур! мамур! чиновник!» и быстро о чем-то загалдели, так, что мне трудно было уследить за смыслом их слов. Язык их был груб и тверд и сильно отличался от обычного наречия горных киргизов.

Я спросил, где главы рода, правящие делами их становища. Тотчас же вход в юрту раскрылся и оттуда вышел сторбленный старикашка в выцветшем лисьем малахае, с тонкими руками и острой хитрой бородачкой.

— Вот он, — заорали люди в белых овчинах, — это Ших-Бури-Татар, Горный Волк, глава нашего рода.

Увидев его, я сразу понял, что нам не сговориться. Выйдя из юрты, старикашка остановился и внезапно завопил, размахивая шуплыми руками и брызжа слюной во все стороны. Он кричал, глотая слова, и тыкал мне в лицо какой-то длинной бумагой с цветной печатью.

— Паспурт, смотри наш паспурт, — завывал он, — мы не ваш райят, не ваши данники. Мы райят английского короля. Посмотри на эту бумагу — здесь все написано. Мы заплатили подать англичанину, который собирает дань с киргизского скота у перевала Вахджир. Этот сын греха взял с нас 500 рупий. Больше мы не хотим видеть никаких чиновников. Мы приходим на ваши земли за травой для яков. Вот наш паспурт. Теперь голод кончился и мы уходим назад.

Бумага, которую он держал, была составлена на индийском и на английском языках. Это был типовой паспорт «специально для кочевых племен», выданный еще во времена наместничества Керзона. Об этом говорилось в начале. «Мы, Джордж-Натаниел, граф Керзон, маркиз оф-Кеддльстон, главный секретарь его величества по иностранным делам, вице-король Индии и прочая, и прочая». Паспорт был выдан всему роду на имя его главы Шиха-Бури. Я пытался объяснить, что я не чиновник, собирающий подать, и что я не уйду от них, пока не перепису имеющегося у них количества юрт и числа людей. — Они нахоятся на земле советского государства, — сказал я, — и государство должно знать сколько их. — Выслушав меня, старик отвернулся и снова вошел в юрту. Меня окружило недоброжелательное, гнетущее молчание. Внешне, впрочем, на меня почти перестали обращать внимание, предоставив меня самому себе.

Я сел у костра, возле которого милостивые и грязные девушки собирали вечерний удой яков в вонючие козьи бурдюки. Ветер, мучивший нас весь день, наконец, немного стих. Ударил мороз, сковавший лужи воды ломким льдом. Мне вспомнилось в этот момент, что сейчас июнь месяц, лето, в России жара и комары...

Я вытащил из выюка поселенные бланки, заноса на бумагу следующие сведения: «селение — становище Шаха-Бури. Число домов — 12 переносных юрт. Местоположение — кочевая линия вдоль границы Большого Памира. 37° 23' сев. шир., 42° 7' вост. долг от Пулковского меридиана.

Костер разгорелся и резким блестящим пламенем жег мне лицо. Ногам и спине было холодно и я поворачивался, ежился и мерз, как цыган в аду. Киргизенок, из родовичей волостного председателя, подсел ко мне, удивленно следя за движениями карандаша в моей руке.

— Ай, ай, ай! Без пользы ты колдуешь! — воскликнул он. — Эти гурама — отчаянное племя. Если хотел к ним итти, зачем не взял товарища Тимур-Султана с памирского поста? Зачем не взял его храбрых кипчаков милиционеров?

Я что-то ответил ему, продолжая писать. Помнится, я сказал ему, что он может вернуться обратно, если хочет. Киргизенок, озираясь, поклонился и пошел к своей лошади, привязанной возле юрты старейшины рода. Оттуда на встречу ему выступил какой-то безносый великан, завернутый в расплывшуюся шубу из волчьих шкур.

— Стой, — прогнул он, сбив мальчика с ног тяжелым ударом кулака, — куда тебя послал чиновник? Послал тебя за солдатами, чтобы взять нас в плен! Говори, проклятый шайтан!

Со всех сторон становища раздались злобные крики. Из юрты, один за другим, выскакивали кочевники, на ходу щелкая огнивом и запаливая фитили своих кремневых ружей. Я бросился на помощь мальчику, стараясь оттолкнуть от него звероподобного великана, казалось, готового его раздавить. В этот момент, раздався предостерегающий крик и вокруг меня обвилась хлесткая веревка, ударившая меня какой-то тяжелой гирькой, прикрепленной на ее конце. Я упал на землю почти без сознания. Сейчас же со всех сторон с громким галдежом сбежались киргизы и туго заарканили меня, топчя ногами и толкая. Веревка больно и жестоко впиалась в мое тело. Я не мог двинуться. Затем я был кинут на колючую заиндевелую траву и забросан, чтобы не замерзнуть, какими-то шивыми и сырными лохмотьями. Я услышал, как мальчик, визгливо стонавшего и плакавшего, увели в одну из юрт. Я остался лежать один, слыша чавканье и зевание, жевавших над моей головой жвачку яков.

Ночь прошла мучительно и тревожно. Я не спал, готовясь встретить самую печальную участь, быть-может смерть. На рассвете с головы моей сняли закутывавшие ее тряпки и какой-то киргиз поднес мне кислое молоко в ржавой железной чашке. Я увидел, что становище было собрано и готово в путь. Кое-где еще торчали дырявые, как ребра, остовы юрт, вокруг которых возились женщины, вытаскивая из земли колья.

Когда стало совсем светло, кочевье тронулось на юг, понукая горбатых яков, трусивших странной коровьей рысцой. Не развязывая, меня прикрутили к мягкому «панану» — выючному седлу, укрепленному на спине яка.

Солнце взошло желтое и мрачное, лишенное световых эффектов, открывая взгляду одинокое нагорье, со всех сторон окруженное чудовищными горами, от самого основания покрытыми снегом. На десятки верст отсюда не было ни одного человеческого жилища. Здесь господствовало давящее безмолвие. Кочевье киргизов казалось затерянным и жалким на этих громадных пространствах; Киргизы понукали яков надсадно и хрипло — разреженный воздух плохо передает голос — надсадно, и хрипло ругая, и проклиная друг друга. Около полудня мы переправились вброд через ледяной и мелкий ручей Ак-Су, по другую сторону которого начинался новый подъем, ведущий к высокому горному хребту, сверкавшему на юге.

— Прощайся со своей землей, — сказал мне один из киргизов, ехавший рядом со мной, — теперь мы идем по земле Афганистана. За тем перевалом — Канджун.

Я огляделся вокруг, насколько позволяли мне веревки. Ничто не изменилось, хотя мы и были по ту сторону границы. Дул тот же холодный ветер, пуст был горизонт и из земли редкими кочками торчали кустики травы, чахлой и колючей. Здесь киргизы не боялись больше погони. Меня развязали и я мог слезть с яка и итти пешком, чтобы

размять ноги. Однако, долго идти пешком было невозможно. Грудь сдавливало сердцебиение, болезнь высоты и какая-то неопределенная тошнота.

Мы двигались к югу, от ночевки к ночевке, поднимаясь на головокружительные ледяные откосы и снова выходя на голые бестравные взгорья, лежавшие одно выше другого. Мы миновали снежные ураганы перевала Вахджир и осыпи преваля Калик, где никогда не проходила нагруженная лошадь. У лошади, от напряжения в разреженном воздухе сделался бы паралич сердца — так говорили мне киргизы. Высота этих перевалов, судя по карте, близка к 6 километрам над уровнем моря.

Сейчас же за перевалом Вахджир я увидел невысокую каменную насыпь, считаемую, очевидно, святыней у кочевников. В камни были воткнуты бунчуки и рога горных баранов, повязанные тряпочками и пестрыми лоскутками.

Я обошел насыпь и на самой ее вершине, на гладком лбу большого камня, обнаружил надпись на английском языке: «Пограничный знак № 281, Вахджирский участок. Поставлен в 1896 году капитаном 3-й саперной роты сев.-зап. пограничного полка Г. Троузерсом».

Итак, я был увезен, через вторую границу, в пределы Индии. К сожалению, это имя, загадочно и привлекательно звучащее для меня в годы детства, не принесло мне никакой радости. Я был пленником на чужой земле. Луга Памира, Каракорум и Гиндукуш остались за моей спиной.

На третий день пути мы встретили первого представителя английской власти — сборщика податей в кочевых районах. Это был обрюзгший и унылый индус, зябко кашлявший и кутавшийся в медвежью шубу. Он жил в просторной прорезиненной палатке, устланной внутри войлочными коврами. Рядом с палаткой, в низких землянках был расположен маленький отрядик канджутских сипаев (солдат).

На меня индус даже не взглянул, лениво выслушивая подобострастный рассказ Шиха-Бури. Я сразу понял, что старый хитрец хотел, захватив меня, выслужиться перед «саибами» (господами) и оправдать свои незаконные переходы через границу. Чиновник, впрочем, досадливо и со скукой отмахнулся от него и задал мне несколько вопросов на отличном английском языке. В ответ я потребовал немедленного освобождения.

— Очень хорошо, очень хорошо, — сказал индус, зевая, — это не в моей компетенции. Я обязан доставить вас в Бальтит, как перешедшего границу без разрешения. Вы можете, гондэм, обжаловать мои действия перед господином резидентом. Идите.

Сейчас же вокруг меня выросло несколько сипаев, в тюрбанах и с одиннадцатизарядными английскими винтовками. Киргизы, захватившие меня в плен, под шумок тронулись со всем своим скотом по широкой тропинке куда-то в гору. Здесь поблизости, повидимому, были пастбища, покинутые ими в прошлом году.

Ушла еще одна ночь. Я проснулся в душной караулке поста оттого, что над моей головой склонился какой-то усатый жирноносый сипай, оравший и горланивший, чтобы пробудить меня и приготовить к дороге.

Отсюда и дальше на юг дорога круто уходила вниз.

Я шел пешком, под охраной четырех сипаев. С каждой версты становилось теплей и дышать было легче.

Казалось, что внезапно наступила весна — весна в небе с высокими облаками, в воздухе влажном и свободном, в нас самих.

Верстах в десяти, примерно, от поста или «тупханы», как говорили мои конвойные, я увидел первый поселок канджутцев. Это были рослые красивые люди с горбатыми носами, носившие белые расшитые

шапочки на голове. Они говорили на неизвестном мне языке, в котором, впрочем, попадалось довольно много знакомых мне персидских и индийских слов. Увидев солдат, они выносили на больших платках угощение — кислое молоко, вареных кур и толокно из тутовых ягод. Солдаты принимали все, как неизбежное и должное, грубо прикрикивая и толкая угощавших. Деревни производили печальное и жалкое впечатление нищеты. Пашни были завалены камнями и на них копошились сгорбленные старики, ковыряя землю мотыгой. Дома были сложены из грубого необтесанного камня и похожи на большие курятники — без окон и с маленькими низкими дверями, откуда валил дым. Канджутцы жили в «курных» избах.

Признаюсь, что, несмотря на свое положение пленника, я наблюдал все это с некоторым любопытством. Оказывалось, значит, что эта страна, принадлежащая культурным англичанам, недалеко ушла от нас. Отстала от нас, потому что в нынешнем году на Памире появился первый трактор, потому что в Хороге — центре Советского Памира — горит электричество, выстроены европейские дома, больница.

По мере того, как мы спускались с нагорья вниз, деревни канджутцев попадались все чаще и зелень вокруг них была пышнее. Утром следующего дня мы миновали устье реки Шимшал и вышли к невысокому, взбороженному под пашни, перевалу, откуда я, впервые в жизни, увидел болотистый Бальтит, окруженный горами. Пожалуй, я мог бы гордиться этим, если бы попал сюда по своей воле. До меня в этой стране был только один русский — царский подполковник Громбчевский — тридцать лет назад. Теперь, когда все это в прошлом, я почти готов жалеть, что никогда мне не придется быть в этих местах снова. Впрочем, может быть, владычество господ Дьюренти не так уж долговечно в этой стране, как полагают они сами, и тогда... Об этом следовало бы спросить корреспондента «Аллагабад Ньюс».

Столица канджутского ханства открылась перед нами далеко внизу, просторной и цветущей долиной, где желтели дома, прикрытые двускатными крышами, сверкали залитые водой четырехугольники рисовых полей и из густой садовой зелени, как маяки, подымались тонкие тополи. Стояла сырая томительная жара. Конвойные сипаи сняли сапоги и, подгоняя меня, побежали вперед с радостными и оживленными криками.

Почти бегом мы вошли на улицы города. В сущности, это был не город, а большое селение, с толчеей домов, осененных тополями и кряжистыми платанами, с быстро бегущей в разгороженных шлюзами канавках водой. Мы вступили на базар, где рыжие пенджабские купцы торговали всякой мелкой дребеденью, вроде зеркала, красок и парафиновых свечей. Возле харчевен, где дымился рис и жареная баранина, у груд винограда и персиков, сидели черные мальчишки, крича: «Вас пао-нинисфанна — один пао (мерка) — пол анна (10 коп.)». На углах, возле маленьких, пестро раскрашенных мусульманских мечетей, с резными деревянными колонками, бесновались мохнатые и голые, как обезьяны, факиры, выпрашивая грошевую милостыню. Все это оглушило меня своей бестолочью, жалкой долиной суетней, такой странной и непохожей на тоскливое одиночество высоких гор.

Мои конвоиры с преувеличенно торжественным видом взяли ружья наперевес и, расталкивая толпу, повели меня куда-то вперед. При виде нас, все жители Бальпита бросали свои дела и бежали за нами, крича: «Урус-ка, урус!». Они бежали за мной и глядели на меня с таким изумленным разочарованием, как-будто до этого полагали, что у всех русских на плечах лисьи хвосты вместо голов. Как я впоследствии узнал, вроде этого у них и говорилось.

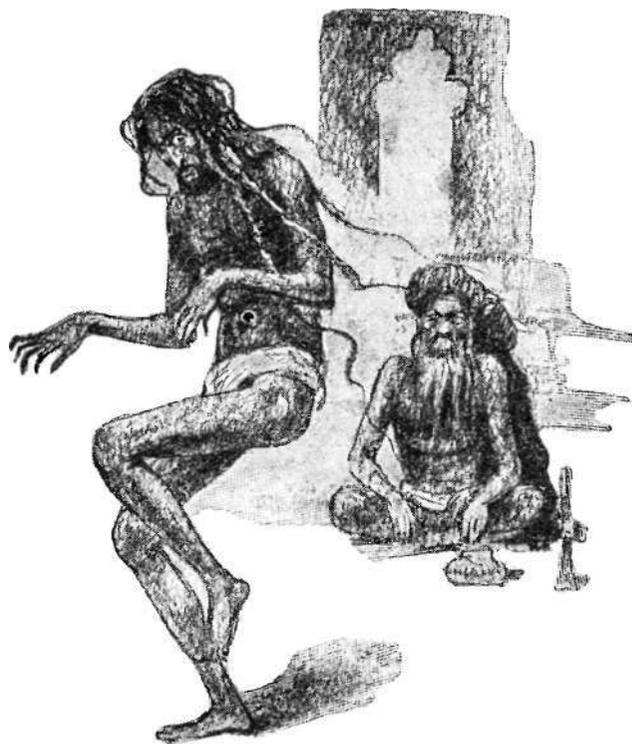
Сипаи остановились перед небольшим широкотеррасным домом, легкой южнойстройки, над которым был поднят выцветший британский флаг. Хавальдар вошел внутрь. В доме наступило легкое смятение, послышались какие-то шаги и голоса. Из-за жалюзи выглянула чья-то голова и, пристально обозрев меня, скрылась. Наконец, я был введен в широкий кабинет, откуда доносился ураганный стук пишущей машинки. Возле стола, где почтительный секретарь с лакированным пробором отстукивал письма, стоял какой-то низкорослый бритый господин, с толстой, наливающейся кровью шеей. Он посмотрел на меня оценивающим взглядом фотографа-моменталиста и указал рукой на стул.

— Садитесь, — сказал он, на старательном русском языке, отдуваясь, как от тяжелой работы, — я английский резидент для границ Россия, Китая, и Афганистан, на территории канджутского ханства, Уольтер Дьюренти. Ваше понятие меня дает право выводить из этого сознание в том, что вы русский. Если вы не признаете этот факт,

то я возможен разговаривать с вами на всяком другом языке, туземном и иностранном.

Я отвечал на эту жвачку решительным и громким протестом против насилия, совершенного в данном случае над гражданином СССР, которого, нарушив все принципы международного права, похитили с территории его родины, увезя на земли подвластного Англии ханства. Резидент слушал меня нагло и невнимательно, постукивая по столу пальцами, как-будто все, что я ни скажу, известно ему заранее и он решил не обращать на это внимания.

— Вы! — отвечал он кисло, когда все мои доводы, наконец, истощились, — бросьте говорить ваш хумдрум и нонсенс (ерунду). Вы — сукин сын! Я могу высмотреть ваше дело только с одной точки зрения. Вас задерживал на границе Индии пандит Матапады и для меня вы есть русский шпион. Если вы бумажно не изложите конструктив план

Бесновались мохнатые и голые факиры

вашей организации, то я вас отправляю в Гильгит и вы будете повешен. Это будет очень карашо. В настоящее время я буду передать вас на руки туземных властей и вы будете провировать восточное тюремное заключение, до дня придворного дарбара (приема).

Вокруг меня снова вырос конвой и меня повели через базар по направлению к небольшой цитадели с глиняными стенами, где, возле окованных железом ворот, накурившаяся банга (род гашиша) стража с бессмысленным смехом дулась Б кости. Шелкнули ворота, изможденный «сар-махбус» (начальник тюрьмы) отпер какой-то люк и я был брошен в тесный и зловонный подвал, наполненный капающей сыростью и медленным копошением заключенных. Когда темнота подвала перестала быть непроницаемой для глаз, я увидел унылые ряды людей, бараньими тушами распластанных вдоль стен. Они были закованы в ножную колодку, состоящую из двух длинных деревянных досок, заклепанных одна над другой и не дававших ни встать, ни сесть. Среди них бродили какие-то, заросшие волосами фигуры, голые, с одной только ситцевой повязкой на бедрах. Так же, как я, они не были скованы и свободно могли двигаться по подвалу.

У этих людей был апатичный и равнодушный ко всему вид. На меня они не обратили внимания. Дверь подвала с громом захлопнулась. На мгновение в ней мелькнула борода начальника тюрьмы, к которому полетела хрипкая брань и насмешки узников подвала. Я остался в промозглом мраке.

Это не было похоже, чорт возьми, на клуб — этот подвал! Время тянулось в нем плотно и вязко, стирая разницу между днем и ночью, топя жизнь в ленивой злобе, в расчесах от клещей и захлебывающемся лепете какого-то паралитика, скованного и валявшегося в углу. Пол подвала был

заброшен мокрой и гнилой соломой, по которой бегали тюремные крысы. Этот подвал не был, впрочем, восточной тюрьмой в полном смысле этого слова, как обещал мне почтенный резидент. Это был, в общем, реформированный острог. Раз в день приходили стражники и давали нам морковную болтушку, с плававшими в ней кусками «чапатти» — тонкого, как блин, хлеба, и по две лепешки, пресных и испеченных в золе. И два раза в день стража, сняв замки с колодок, водила острожников к парашам, выстроенным во дворе цитадели под самыми окнами «сипай-саяра» — начальника городской стражи. Два раза меня снова водили на нудный и бесполезный допрос к резиденту, чтобы снова ввергнуть в гнусный подвал, к которому я почти готов был привыкнуть.

Часы шли в молчании и истошающей скуке. Ходить было негде — везде сидели и лежали люди. Иногда, кто-нибудь пытался запеть песню или рассказывал какие-то истории, однообразным и тихим голосом, от которого еще страшнее и холоднее казалась тюрьма. Я не разговаривал почти ни с кем, потому что большинство заключенных были канджутцы, языка которых я не понимал. Кроме них было несколько чахоточных индусов, кашлявших и отвечавших на мои вопросы односложно и неприветливо.

От них я все-таки узнал, что заключенные с нетерпением ждут «дарбара», который наступает на-днях. Дарбар — это придворный прием, пышный праздник, без которого не обойдется ни один раджа, хан или властитель Индии. На дарбаре обычно происходит суд, и случается, что хан отдает приказ освободить кого-нибудь из заключенных. На это надеялся каждый из них.

Не сумею сказать — через сколько дней, после моего поселения в подвале наступил, наконец, день дарбара. Заключенные были-раскованы и выведены на пыльный двор цитадели. Они стояли, горбясь и шуря ослабевшие глаза в непереносимом утреннем свете. Я вышел последним, напряженно вдыхая резкую свежесть воздуха.

Нас окружил, с барабанным боем, отряд солдат, возглавляемый разряженным, как попугай, туземным офицером, с парабеллумом и кривой серебряной саблей у пояса.

— Стройся в ряды, — скомандовал он по-персидски, — мусульмане, радуйтесь, вы сегодня вступаете в тень светлейшего Крыла Гумаюна! Язычники, трепещите, сегодня осеняет вас пресветлое Крыло Гумаюна. Вас, мерзавцы! Гроза народов, князь князей, Могущество Полдня, Сейид-Шир-Багадур-Хан, повелитель Канджута, и его отпрыск, почка на могучем древе, месяцеподобный кипарис, светлейший Мирамман-Мирза, наследник престола, соизволили допустить своих рабов пред свой дарбар. Поторапливайтесь, негодяи! Марш!

— Дама-икбалу-хум — да продлится их счастье, — зорали заключенные. Конвой сомкнул ряды и церемониальным шагом погнал наш оборванный и жалкий отряд к дворцу хана.

Дворец хана стоял на высоком насыпном кургане, фон которого были сверкающие снегами мрачные высоты Каракорума. Вокруг дворца были разбиты густые фруктовые сады, где, глядясь в искусственные водоемы, по деревьям летали жирные синие павлины, с криками, напоминающими мяуканье мартовских кошек. Над смятым дерном были разостланы пестрые кашемирские платки, на которых сидели индусы-музыканты, с лиловым знаком касты на лбу, душние, терзавшие и пилившие свои варварские Инструменты, подпеывая им визгливым фальцетом.

Нас ввели на широкий квадратный двор. По углам двора, на цветных древках, вились зеленые и белые знамена, над которыми был распялен неизбежный британский флаг. Земля была скрыта коврами нежного и сложного узора, говорившего о старине. Это был «дарбарджа» — приемный двор хана.

Нас оставили на позорном, по восточным понятиям, месте у ворот, где проходили толстые канджутские чинуши, презрительно подымая полы платья, чтобы не задеть нас. Войдя во двор, они, впрочем, мгновенно теряли свою важность, проталкиваясь к особе хана, натянутой и тоскливой походкой хористов на сцене провинциальной оперы.

Сам хан, сидевший посередине двора на раззолоченном венском стуле, имел вид жирный, положительный и благодушный. Он был одет в традиционное «вальгани» — длинную шелковую рубашку, на которой сплетались какие-то узоры из золотых ниток, украшенные мутно-красными рубинами. Тюрбан его, закрученный придворным вязальщиком чалм, был пышно и нежно взбит и гордо сверкал длинным индюшиным пером, воткнутым в самый его верх. Прислушавшись, можно было разобрать его сиплый сифилитический басок, рассказывающий что-то на ломаном

английском языке. Рядом с ним сидело несколько англичан. Я разглядел среди них канджутского резидента и какую-то кривобокую даму в бальном платье, поминутно подносящую к носу лорнет. Она очень внимательно смотрела на заключенных. Вероятно, у них был чрезвычайно живописный вид. Особенно эффектно были — один изъеденный накомными язвами старик и сумасшедший индус, бившийся на земле в истерическом припадке.

Дарбар был в разгаре. Происходила церемония представления к чинам и наградам. Глашатай громко трубил в рог и, один за другим, к хану подходили рабелепные бордачи, целовавшие ему руку. Церемониймейстер немедленно подхватывая награжденного и накидывая ему на плечи дешевый бязевый халат — подарок хана. Получивший дар отходил, закатывая глаза в восторженном и лицемерном блаженстве. Затем снова раздавались трубы, били и пилили музыканты, и новый избранник счастья подходил к плетеному венскому трону хана. В час дня хан, со своими приближенными, направился в дворцовую мечеть, путь к которой на всем протяжении был покрыт коврами. Заключенные остались на месте, делая вид, что творят молитву.

Затем двор дарбара снова наполнился ханской челядью. Хан вошел усталый и погрузневший, отирая рукавом потное лицо. Шепча и заикаясь, к нему подлетел церемониймейстер и тотчас же снова отлетел, отосланный легким взмахом ханской руки.

— Дивана (суда) не будет, — объявил он по-персидски, это считалось, повидимому, самым изысканным при канджутском дворе, — хан отменил суд. Заключенные вернутся в тюрьму. Хан соизволил предоставить их милосердию аллаха.

Начальник конвоя повернулся к нам, в то же время пожирая глазами хана. Он не решился увести нас, не представившись хану. Он рассчитывал в этот день получить награду за верную службу. Церемониймейстер пришел к нему на выручку.

— Стойте, — сказал он, — преступников сначала хочет осмотреть Мотима-мэм, женщина-мирза, рисующая на бумаге образы людей. Оставайтесь здесь.

Начальник отдал приказание и толпа, путаясь и толкаясь, направилась вглубь двора. Я шел, стиснутый двумя дряхлыми убийцами, отсидевшими в цитадели больше 10 лет. Англичане нерешительно двинулись нам навстречу.

— Вот, — сказала резидент, — заключенные, вид которых вас заинтересовал. Мы, ветераны индийской службы, дорогая мисс Мортимер, и мы не можем относиться к этому с такой живой непосредственностью, как вы, люди метрополии.

— О, очень мило! — воскликнула мисс Мортимер, благосклонно и воодушевленно, — какая типическая экзотичность! Поглядите — лицо этого старика. Мой бог, это типы Леонардо. О, бедные люди! Я их потом зарисую. Я хотела бы, если это разрешается местным законом, несколько помочь этим несчастным. Можно ли это?

— Не советую, — сухо ответил резидент, — вас будут преследовать все нищие Индии. Но если это ваше желание... мы скажем несколько слов субадар-саибу и местный закон разрешит.

Офицер стражи галантно звякнул шпорами и мисс Мортимер, раскрыв крохотную золотую сумочку, высыпала в толпу целый поток медных пайса и серебряных анна, вокруг которых сейчас же началась ожесточенная свалка. Я стоял в стороне, с интересом глядя на эту сцену колониальной благотворительности.

Господин Дьюренти, казалось, только теперь меня заметил.

— Что это такое, — сказал он, — этот человек здесь? Никогда нельзя рассчитывать на то, чтобы хан выслушал вас со вниманием. Для чего он отменил суд на сегодняшнем дарбаре. Следовало бы предоставить Канджуту самому ответить на происки внедоговорных соседей. Жаль. Придется его отправить с оказией субалтерн-офицера. Бирк!

— Да, сэр, — отозвался молодой светлоглазый офицер, стоявший за его спиной.

— Вы явитесь ко мне через полчаса в резидентское бангалю.

Дарбар был окончен. Я снова — на последнюю ночь — был отправлен в подвал.

Утром следующего дня я стоял перед небольшим караваном, у которого возились темнотливые солдаты, одетые в пурпурные чалмы. Это был отряд солдат-раджпутов, командуемый вчерашним молодым офицером. Увидев меня, он приветливо помахал мне рукой.

— Алло, как вы поживаете? — крикнул он по-английски, — вы — ловкий малый. Я думаю, мы с вами не будем

ссориться в дороге. Мы помиримся на том, что я не буду вас расспрашивать о вашей игре. Я не разведка, а солдат. Клянусь Юпитером!

Он посмотрел на меня с уважением и смутным удовольствием. Очевидно, резидент в секретных инструкциях наговорил этому офицеру всякой несурзацы о моем важном политическом значении.

— Я вырос в Калькутте, — продолжал он, — здесь я год, но я никогда не позволял себе опускаться, как эти ужасные пенджабские чиновники. Я бреюсь каждый день и я выпсываю себе кителя прямо из Карачи. Потому что я служу не из-за жалования. Мой дядя — человек старой складки — он этого требует. Почта ужасно запаздывает здесь. Мне 23 года.

Я отвечал неразборчивым мычанием, но это ему не мешало, суетясь и торопя солдат, вьючивших длинноухого пегого мула, без умолку продолжая свои излияния.

— Я везу с собой весь мой багаж. На случай, если мне разрешать больше не возвращаться. Вам дадут прекрасную лошадь. Раз вы мой арестант — я должен о вас заботиться. Не так ли? Я велел привьючить к вашему седлу один из своих свертков. Они не помещаются на мулах. Тхель, тхель, тхель!

Это восклицание относилось к сипаям, которые мгновенно повскакали на коней. Мы тронулись. Караван субалтерна Бирка или «оказия», как говорят в Горной Индии, состоял из двух мулов и шести коней, двигавшихся цепью. Впереди и позади моей лошади ехали солдаты, мирно переговариваясь и поминутно сплевывая бетель на дорогу. В караване было праздничное настроение. Все причисленные к нему солдаты навсегда покидали Канджут. А это не шутка — распрощаться с этой грязной дырой К тому же солдаты были индуисты и не ладили с мусульманским населением базара.

Я также чувствовал себя прекрасно, несмотря на то, что в конце этого пути меня не ждало ничего хорошего. Прежде всего я был на свободе. Лучше что угодно, чем этот проклятый подвал.

Мы ехали берегом реки Канджут, по глубокой плодородной долине. На мулах, разубранных фестонами и шнурками, брнчали вьюки. Солдат, ехавший впереди меня, вздохнул и затынул крикливую непонятную песню на какой-то тоскливый мотив.

— Эту песню поют грузчики в Калькутском порту, — сказал мне субалтерн, — что-то в стиле пения быка на бойне. Это гимн богу Индре. Плуты его представляют себе похожим на бенгальского «бабу». Разбираете?

Я вслушался в слова. Они были на знакомом мне языке. «О, Индар!» пел солдат.

— У бога Индар четыре руки, четыре руки,

— Он носит белый жилет, он носит часы и трость.

— Он натирает тело пеплом коровьего помета, как набожный брамин,

— О, Индар, проливающий теплый дождь,

— О, Индар, который приходит по вечерам,

— Который выпивает пива больше, чем стадо слонов воды.

— Для тебя — все золото, которое скопит Таджирлог, Народ Купцов,

— Для тебя растет Укх — Сахарный Тростник,

— Точит яд Большой Змей — Маха-Наг,

Вечером с гор поползли туманы и мокрые тени. Стало прохладно и темно, как в колодце. Мы ехали струдившись и не видя друг друга. Где-то на холмах залаял шакал, всхлипывая и насмехаясь над нами. Мы въехали в ущелье.

— Тхель, тхель! — кричал в темноте Бирк, стараясь сохранить порядок каравана. — Где дорога в «рабат» (военный пост на горной дороге)? Я посажу под арест проводника. Где мы?

— Саиб, — отвечал кто-то, — гоните караван. Вашу брань услышат дурные люди, чужие люди, которые живут здесь. Тхель, тхель!

Этот голос несся откуда-то из мрака и оборвался также внезапно, как начался. Можно было подумать, что говоривший захлебнулся или провалился в ночь. Кони настожились и захрапели, лягаясь и толкая друг друга крупами. Откуда-то спереди и со всех сторон отдался тяжелый волчий вой. Я услышал беспорядочную стрельбу. Сипаи сажали в воздух, не разбирая направления.

— Порядок, порядок, — надрылся субалтерн-офицер.

Его никто не слушал. Лошади с пуливым ржанием забились и стали рваться, сдерживаемые натужными криками солдат, тянувших поводья.

Я отпустил повод, и конь помчался куда-то вверх по невидной глазу тропинке, ломая сухие кусты и сбрасывая

камни на дороге. Волчий вой рвался почти над самой моей головой.

— Где лошадь русского? — в последний раз услышал я голос Бирка, шедший издали, снизу. Раздался залп и по-новому злобно и с подвизгиванием завывли волки. Мой конь, тяжело и неровно дыша, бросился вверх по откосу, обрываясь и скользя копытами. Весь откос был загроможден камнями, скоро заслонившими нас от отряда. Крики и выстрелы стали доноситься глуше. Зажурчала вода какого-то источника, выбившегося из камней, заплескалась, заструилась под ногами коня и он, храпя, остановился. Дальше, повидимому, дороги не было. Я осторожно слез, нащупав руками узкий, как щель, проход, где с шумом протекал ручей. Здесь, пожалуй, мог бы пройти пеший. Я отвязал подпругу седла и сбросил его в воду. То же самое я сделал с халатом, для того, чтобы преследователи могли предположить, что я свалился в ночной этой скачке в пропасть, вниз. Затем, я снял мешок с провизией, спрятанный в переметной суме каждой лошади каравана, и, прикрутив его к спине, стал взбираться в гору, по руслу холодного ручья. Наконец, ручей кончился. Я оказался на какой-то лужайке, покрытой мягкой травой. Близко залаяли собаки. В ночи непроходимой чернотой темнели деревья. Здесь был поселок, громоздившийся угловатыми камнями и тенями садов к огромной горе, застилавшей половину ночного неба. Рядом со мной и впереди залились остервенелые дворовые псы. Из мрака залопотали разбуженные голоса. Мне показалось, что говорят на таджикском языке.

— О, старый шах Насир! — донеслось до меня старческое брюзжание, — о, живой имам, что за новые гости?

Это были знакомые слова, которые я слышал у исмаилитов Таджикской ССР. Исмаилиты — горная секта, до сих пор преследуемая в Афганском Бадахшане и Канджуге, где официальной религией считается мусульманство суннитского толка.

— Во имя Пяти Тел и Старцев Истины, — закричал я в ответ голосу, — отгоните собак! Придите на помощь!

На мой зов, в горе, прямо передо мной, раскрывлась дверь и я увидел вход в пещеру, освещенную воткнутыми в землю черными лучинами. В пещере — увидел я — сидели и полулежали какие-то люди.

Я сделал шаг вперед. В лицо мне пахло сладким и приторным запахом. Пол пещеры был устлан разорванными звериными шкурами. Посередине, на каменном очаге, тлели угли. Воздух был полон желтого дыма и я сразу не мог даже разобрать лица людей, занимавших на шкурах место. У некоторых в руках были трубки, расширившиеся на конце в большие цилиндрические головы. Эти люди курили опиум.

— Я мусульманин, из народа исмаиля, как вы, — сказал я по-таджикски, — я из дальних мест, с границы Вахана и Памира, — заблудился в горах, шел из Бальгита к себе на родину. Помогите мне. Завтра я уйду дальше.

Все молчали. Эти люди глядели на меня и я не мог понять по их лицам было это. молчание враждебным или дружеским. Потом один из лежавших на земле — жидкобородый старик — сказал мне, выскребывая перегар из опийной трубки.

— Ты заблудился? Для чего на тебе желтая рубаха — одежда пленников? Для чего на ногах красные круги — следы колодок?

Я не отвечал.

— Ты не обманул нас, — продолжал старик, — кто бы ты ни был, нам все равно. Мы не пошлем тебя к проклятым аллахом солдатам канджугтского хана. Мы не отдадим тебя врагам имама Али — почитателям побиваемого камнями Сатаны-Омара. Ты хочешь итти в Вахан? Ваханцы наши соседи. Мы дадим тебе проводника. Есть ли у тебя рупии?

Я отрицательно покачал головой.

— Ничего нет у меня, — сказал я, — у меня есть только припас еды на дорогу.

Я развязал мешок, снятый мной с лошади. Внутри лежал какой-то чемоданчик. Чорт возьми! в темноте я спутал мешки переметной сумы и захватил сверток субалтерна. офицера. Это был маленький несессер, где лежали зеркальца, щетки и золотой бритвенный набор, прославленной лондонской марки «Френсис Дрейк».

Бедный субалтерн Бирк! Как он должен был проклинать меня, если им не поужинали волки. Ему не придется бриться до самого Пешавера. О, эти парикмахерские восточных городов, где бреют без мыла, плюют на лезвие и, всунув вам в пот свой грязный и зловонный палец, оттягивают вашу губу чистокровного британца. Если хотите знать мое мнение — это истинные сады мучений.

Очерк Д. Слабентагора.

Рисунки М. Колесникова.

«КАНАЛИЗАЦИЯ».

На западе океан, и на востоке — океан. Между двумя океанами на 3 тысячи долгих миль простерлись тучные прерии. Прерии, прерии без конца! Можно идти дни за днями все вперед и вперед и видеть только стелющиеся травы, да слышать клекот орлов в высоком небе. И только севернее прерии уступают место мачтовым соснам, зеленым пихтам, крепким елям.

В те дни, когда начала распространяться слава Американских Штатов, когда волна поселенцев начала заливать север Америки, в эти края пришли первые пионеры.

— Гей-го! Здесь славные места. Вот где мы останавливаемся! И они сколотили сруб, первый блокгауз в Канаде. Это были энергичные, крепкие ребята. Те, кому в Европе было тесно, на кого не нашлось хорошего местечка под родным солнцем.

Они корчевали пни, расчищали землю, выводили подходящие сорта пшеницы. Они удобряли почву, производили искусственное орошение. Могучий северный лес наполнился звоном топоров и пением пил, на месте непроходимых зарослей заколыхались колосья пшеницы.

Когда от Атлантического океана рванулся навстречу прериям первый локомотив и пересек их — Канада вступила на новый путь. Где вы, пионеры-энтузиасты, первой поры колонизации? Они уступили свое место сухим и расчетливым дельцам. «Канада это — я», — могло сказать о себе акционерное общество Канадской Тихоокеанской дороги. Дело было поставлено «образцово». По условию дорога получает в свое распоряжение 10 миллионов десятин пахотной земли. Она их разбивает на участки и продает желающим.

Аппарат дороги заработал. В Италии, в Ирландии, в Германии, — всюду, где деревня выбрасывала полумертвых, разорившихся крестьян, были «нажаты кнопки». Агенты компании открывали перед этими людьми ослепительные, радужные перспективы. Они умели ловко петь, эти агенты.

Тучная земля... Леса... Просторы, чудный климат... Спешите! Осталось очень немного колонизационных участков. Не теряйте случая!

И немецкие, французские, итальянские крестьяне подписывали договора, чтобы не терять случая, и как сельди в бочке набивались в трюмы пароходов. К обетованной земле!

А в обетованной земле сидело всемогущее правление Тихоокеанской Канадской дороги, и всеми своими присосками прильнуло к фермерским участкам.

Фермер был в их власти.

Тарифы для перевозок зерна и сел-хоз. продуктов устанавливает дорога. Ты не хочешь перевезти? — не надо! Что делать фермеру со своим зерном? Везти гужом его на ближайшие рынки? Надо знать канадские просторы. А долги то дороге платить надо? И фермер волей-неволей

должен платить дороге большие тарифы. Кто выдерживал 5 — 10 лет дикой, каторжной работы, тот расплачивался наконец с дорогой и создавал свое хозяйство, кто не выдерживал, — тот получал участок земли гораздо меньший, чем он предполагал. Участок, ради которого не стоило плыть через океан; ему могли бы его предоставить и на любом европейском кладбище.

* *

Сеть дорог, покрывшая Канаду, быстро выдвинули ее на мировую арену. Канадское хозяйство растет из года в год из года в год она выбрасывает на мировой рынок все больше и больше пшеницы. Вместо 42 миллионов бушелей в 1891 г. она дала в 1923 г. на мировой рынок более чем 474 миллиона.

Способ колонизации, при котором железной дорогой орудует, как основным инструментом, получил имя «канализация».

ТОЖЕ «КОЛОНИЗАТОРЫ».

В России смутная пора. Ночами зарева пожарами колыхат багровым знаменем над барскими усадьбами. По усадьбам гуляет веселый красный петух.

Земли! — требует крестьянство. Помещик земли не хочет отдать. По деревням гуляет нагайка, разъезжают казачьи отряды, наводят порядок. Но требование земли становится все настойчивей.

Тогда возникает у правительства мысль найти отдушину. Необходимо во что бы то ни стало прекратить аграрные беспорядки! Отдушину находят, — это Сибирь. Идите в Сибирь, но не трогайте дворянские земли!

И в Сибирь двинулись людские потоки. Грязные, оборванные, усталые, тряслись переселенцы в знаменитых российских теплушках: «Сорок человек, восемь лошадей». Ехали они из Белоруссии и, из Полтавщины, из Центральной черноземной полосы. Они тоже шли в обетованную землю, а там не было дорог, там не были нарезаны земельные наделы, не было элементарных условий, необходимых для человеческой жизни.

Но волна за волной шли переселенцы и когда сибирские земли были заняты, они бросились в киргизские степи и начали теснить исконных жителей этого края.

Немного дала эта доморощенная колонизация. Не к лучшим результатам привела колонизация и Туркестана, вызванная великодержавной политикой: усилить влияние Российской империи в Средней Азии. В первые дни революции киргизы вспомнили, как казаки отобрали у них земли, и жестоко отомстили.

ЛАПЛАНДИЯ.

Издравле по «Господину Великому Новгороду» ходили о Лапландии смутные слухи. Будто там зверя видимо-невидимо. Медведь, олень, лиса... Рыбой будто Студеное море кишмя кишит. Треска, лососина, камбала, сельдь. Пушнины там всякой много. Приезжие ганзейские купцы утверждали: «Да, края богатые».

У торговцев новгородцев глаза разгорались на эдакое богатство. Эх, наложить бы руку! И в один прекрасный день «ватаги» новгородских ушкуйников двинулись на неизвестный Север. Ушкуйников ждал великий успех: меха, рыбу, зверье посылали они на родину возами.

Так впервые началась колонизация Карело-Мурманского края. А потом Московская Русь сокрушила Новгородскую вольницу. Купеческий Новгород утратил свое

значение и колонизация прекратилась. Только нынешние поселки поморов, потомков старинных ушкуйников и остатки раскольничьих скитов напоминают о былом оживлении.

...Рядом в Норвегии расцветали морские промыслы, берег покрывался культурными городками, а в российской части Кольского полуострова бродили одинокие лопари, да на побережье поморы жалкими орудиями били зверя, ловили треску.

Так и тянула свою лямку старая Кола — 700 лет поселку. Как было несколько деревянных домишек, да вкопаны огромный крест при царе Михаиле Феодоровиче, так стоит крест и доныне, и число домов почти не прибавилось. А по стране бегут горные речки — источники белого угля, на западе белеют снежные вершины хибинских тундр. Южнее, в Карелии залегают медь, железо, мрамор.

Ничего не было использовано. Запустение... Зброшенность...

И вот вспыхнула мировая война. Россия была блокирована и она устремилась к северу, к свободному выходу в море. В 1916 г. начали поспешно прокладывать Мурманскую дорогу.

Дорогу выстроили. Но только после Октябрьской революции, на ней началась нормальная работа. Это было переломным моментом для края.

НА СЕВЕРНЫХ АВАНПОСТАХ.

Темь. Ветер воеет без конца, и не хочет знать устали. Нелюдимь. От самого Святого Носа до Кильдина-острова суровый береговой хребет выдерживает атаки океана. Ни души. Ни человека. Только черные саженные угрюмые кресты на скалах.

Но когда бури в океане сменяются магнитными бурями в небе, тогда разворачивается необычайная картина. На огромных молчаливых просторах полыхают сполохи, в небе беззвучно трепещут пожары, а там, внизу, на краешке земли, окатываемом холодными водами океана, светят огни северного города, слышен смех на улицах, и грохочут якоря и гавани.

Там, дальше по берегу в одиночестве, в безлюдьи — в освещенной комнате сидит человек в бархатной ермолке, часами глядит в микроскоп и отрываясь, что-то записывает,

Загляни, путник, через окно в комнату, и ты увидишь необычайные вещи: качающиеся в аквариумах зеленые ветви, какие-то странные кустики, нити... Растения это? Морские животные?

Запомни, путник, эту бурную ночь в Екатеринбургской гавани, и вой налетающего ветра, и этот покойный, мяг-

кий свет, льющийся из окна. Это происходит на 70° северной широты, там, где на 5 квадратных верст встречается одинокий человек, где единственные пути сообщения — это быстроногий олень, рыбацкая лодка и редкий парход.

Так, в глуши работает т. Клюгге — начальник Мурманской биостанции.

Он не один. Здесь, на далеком Севере, среди огромных молчаливых пространств раскинуты там и сям те, кто настойчиво, и не покладая рук работают над тем, чтобы вырвать у Севера этот дикий край и создать здесь не вера этот дикий угомонную человеческую жизнь.

За Полярным Кругом у маленькой станции Хибинь расположена самая северная в мире опытная сельскохозяйственная станция.

Клюгге, изучает морские глубины, здесь отдают свои дни на то, чтобы одолеть суровую землю, чтобы взрастить в Лапландии хлебные злаки, — мать всего живущего. Когда здесь удастся вывести какие-нибудь сорта пшеницы или особенно удачные клубни картофеля, здесь радуются так, как будто отыскали драгоценный клад. И, собственно, чем это не клад, — добротный, сытный клубень картофеля на Кольском полуострове?

Много терпения и настойчивости ушло на то, чтобы добиться такого результата. В борьбе с препятствиями растет и закаляется эта мужественная порода людей, завоевателей Севера. Так было в Аляске,

так было в Канаде, так будет и у нас. Когда хибинцам удалось вырастить цветную капусту, они вспоминали о том, как практичные американцы, вместо бездарных русских чиновников, сумели создать из Аляски не только уголок земли, оплодотворяющий золотом мировые биржи, но и хлебоносный край.

Сейчас станцией испытано 600 сортов огородных и полевых растений. Установлено какие сорта да легче культивировать. Станция не ограничила себя в четырех стенах. Она устроила показательные участки в Лоухах, Керети, в Сегеже, она для выращивания семян устроила агрономические базы.

Всесоюзная Академия Наук посылает одну за другой исследовательские партии научных работников в центр Лапландии, в эти неисследованные места, к Хибинским Тундрам. В центре полуострова громоздит свои вершины этот массив. Горы его изрезаны долинами и ущельями. А когда усталый путешественник взберется на плоские вершины Хибинских Тундр, он увидит перед собою молчаливую, каменистую, ровную пустыню. Это здесь провел долгие дни академик Ферсман, не уставая бродивший по крутым вершинам.

...В свете заката загораются кроваво-красные эвдиалиты, золотыми пригоршнями сверкают блестящие сосны, стутками запекшейся крови выделяются непуниты.

Вот черные кубические кристаллы лопарита. Вот цирконий, титан... Все это представители минерального мира, редко где встречающиеся. Недавно в Хибинах открыта и урановая руда, содержащая радий.

Здесь заложена основа будущей горной промышленности Мурманского края. Вслед за научными изысканиями идет людская волна. Она прокатывается по единственной железной дороге, прорезывающей этот полубезлюдный край и рассеивается по сторонам ее.

«МУРМАНИЗАЦИЯ».

Новые жизненные узлы завязались здесь, новые имена появились: Желрыба... Желлес. Это проявляет свою колонизационную деятельность Мурманская дорога. Подобно Тихоокеанской, Канадской, перед ней поставлены те же задачи.

Всего несколько лет прошло с начала широкой работы по колонизации края, и в Мурманском порту раздается веселый портовой шум, пароходы выгружают и разгружают товары: хлопок, бумагу, шерсть, пшеницу. Вдоль причальной линии расположились пакгаузы, склады, элеватор, подъездные пути... Город растет не по годам, а по месяцам. Несколько лет тому назад его и вовсе не было, а теперь самая разношерстная публика сует по его улицам...

В городе бьется сильный, ровный пульс и отзвуки его отдаются по всему побережью. Вся жизнь, вся работа рыбацкого района Лапландии переплелась с колонизационной работой Мурманской дороги. Желрыба скупает у них олов. Желрыба снабжает их неводами. Она понастроила постановщица, склады, копильни, засольные амбары, организовала консервные заводы. Она пропагандирует среди рыбаков усовершенствованные способы ловли. Словом, ведет самую настоящую культуртрегерскую работу.

Когда наступает весна и начинается лов, тогда по всему побережью закипает жизнь: весело конопатят шняки, карбасы, быстро чинят невода, снасти... И вот, наступает желанный день!

Тогда у поморов закипает кровь и смутные голоса их далеких предков, удалых ушкуйников, зовут на опасную игру с океаном.

Покуда весело кипит бодрая жизнь на побережье, в глубь полуострова тоже разветвляется созидательная работа. Оглашается полупустынный край, оглашается человеческими голосами, стучат по окрестностям топоры. И там, где в чашах ни-

когда не ступала нога человека, сейчас вырублены, выкорчеваны земельные участки.

Дорога их предварительно подготавливает, она осушает болота, она ведет большие мелиоративные работы.

Поселенец не должен придти на незнакомые места и помогать в борьбе с лесом, с болотом, с бездорожьем.

Приезжай, устраивайся, работай и оживляй край!

И с разных концов России сюда съезжаются и оседают в разных пунктах края поселенцы. Сюда идет крепкая порода людей, — мужественных, сильных, здоровых. Север не терпит сюнтяев, растяп и обломовцев. Сам собой происходит суровый естественный отбор. Силен — остаешься, слаб — не поминай лихом.

Население края быстро растет, и чем ближе к дороге, тем быстрее. Поразительный факт: по всей Кемской волости прирост составляет 75,1, а в той части, что прилегает к полотну дороги — 175. По всей Сорокской волости — 12, а у железной дороги 132.

... В густом сосновом бору затерян поселок «Медвежья Гора». В нем в 1920 году было всего 800 человек. Тихое было, незаметное селение. Поистине, лесная берлога. Но этой берлоге суждено было вырасти в живой, крупный рабочий поселок с большим будущим. Понаехали поселенцы, вытянулись новые улицы, застучали лесопильные заводы, пооткрылись магазины. В один прекрасный день зашумела электростанция и в хвойном бору вспыхнула лампочка Ильича. Невдалеке от поселка, среди озер, приютилась туберкулезная санатория... И когда в 1926 году была произведена перепись, оказалось, что в «Медвежьей Горе» уже более 2.000 жителей.

... У скалистых берегов, покрытого островками шхерами залива рассыпались домики древней Кандалакши. Помнит ли Кандалакша свое прошлое? Так же наверное, как при ушкуйниках, грохотала и бурлила неугомонная речка Нива. И такие же почерневшие от времени, стоящие в беспорядке поморские избы. Годы проходили за годами, а Кандалакша сонно дремала белесными ночами у тихого залива.

Но настал день и в горах сипло прозвучало эхо паровозного гудка. После этого Кандалакша покоя уже не знала. У поселка выстроили мастерские депо, проложили от залива железнодорожную ветку и не узнать Кандалакшу. В 1920 году в ней не было и 1.500 жителей, а в 1926 году — жило уже более 4.000 человек. Так же быстро растут и другие селенья. В Кемии в 1920 году было 3 1/2 тыс. чел., а в 1926 году — уже более 6.500. Сорочка вдвое выросла за это время: в ней более 5.000 чел. Растут старые, строятся новые. Вот электрифицированный поселок им. Радзутака, вот поселок у самого Мурманска, у станции Лоухи, на речке Сегеже...

В глубине полуострова, у тихого Ловозера, курят дымки лопарских изб, бродят олени, пощипывая мох. Там большое селение — Ловозерский Погост. Несколько лет тому назад, чтобы пробиться к нему, нужно было пересечь непроходимую лесную чащу и речки, не знающие мостов. Но пришли новые люди и принесли с собой неугомонный свой характер. И однажды в Погосте состоялся митинг: было решено приветствовать советскую область ее национальную политику, и пробивать лесную дорогу к ж. д. полотну. Тут же выделили проводника, знающего дорогу, и немедленно начали работать.

Шли сквозь тундру, пересекали топкие мховые болота, тяжело пробивались через лесные заросли, брели по пояс в ледяной воде — но все шли и шли вперед. И победили 92 километра! Так началось дорожное строительство в Лапландии.

Южные, от Ухского уезда, где нашествие медведей — главная статья расхода у жителей, строится второй трактор, связывающий этот забытый людьми край с остальным миром... Каждая новая дорога приобщает к культуре все новые и новые места...

***

Север скоро не выдержит. Стастся.

Якутия занята человеком. На Маточкином Шаре — радио-станция. На Шпицбергене — угольные копи. Кольский полуостров колонизируется.

Вперед и вперед идут упрямые завоеватели Севера.

ЗЕЛЕНОЕ СТЕКЛО

Рассказ БОБА ДЮ - СО

Перевод К. КСАНИНОЙ.

Матсон закрыл дверь своей комнаты и спокойно спустился по лестнице в столовую, одновременно служившую баром и конторой. Будь в этих меблированных комнатах другой выход, он охотно воспользовался бы им, но Тим Мак Деффи, хозяин заведения, позаботился о том, чтобы этого не было.

Мак Деффи приветствовал безработного моряка обычным «добрым утром» и, быстро осмотревшись кругом, сделал ему знак пройти в небольшую боковую каморку. Матсон снова вспомнил о своем неоплаченном счете, но убежать было некуда.

— Ну, как дела? — спросил хозяин.

— Не везет! Ни одно судно из заходящих сюда в последние два месяца, не нуждалось в матрасах

Матсон покачал головой.

— Слышал ты когда-нибудь о Винг Ли?

— Разумеется! — ответил Матсон, недоумевая, какое отношение это имело к его счету. — Кто же в Гонолулу не слышал о нем?

— Так вот: у него найдется для тебя работа. Мы с ним старые знакомые. Он заходил сюда, потому что ему нужен белый.

— А какая работа?

— Помнишь тот бриг, что наскочил на риф Гермеса?

— Конечно.

— Слышал ты, что капитан Барт отплывает туда на «Эми Б.» снять груз с брига?

— Как же! Ведь я пытался наняться к нему, но не далее, как вчера от отказал мне наотрез.

— Это вышло некстати. Получить койку на «Эми Б.» — входит в условие работы. По некоторым причинам Винг Ли нужен свой человек на борту этого судна. Впрочем, если ты с ним сговоришься, он сам позаботится об этом. Я сообщил ему, что ты мой приятель и он может рассчитывать на тебя в этом деле. Остальное зависит от тебя.

— Охотно готов взяться за любую работу, если она только сулит деньги! — заявил Матсон и, выйдя на улицу, зашагал к Ривер Стрит, где Винг Ли держал бакалейную лавку.

Когда вошел Матсон, Винг Ли сидел за беспорядочно заваленной конторкой и прихлебывал чай из чашечки не больше наперстка.

— Я — Матсон! — отрекомендовался моряк. — Мак Деффи сказал, что у вас есть для меня работа.

Китаец быстр окинул взглядом лавку. Единственный приказчик был занят с каким-то покупателем восточного типа.

— Вы хороший моряк? — осведомился он.

— Полагаю, что так! — отозвался Матсон. — Никогда не слышал о себе обратного мнения.

— М-р Мак Деффи рассказал вам о «Эми Б.»?

— Да! Я сам было хотел поступить на нее, да не вышло.

Винг Ли забарабанил по конторке своими длинными ногами:

— Предположим, что я устрою вас на это судно. Согласны вы выполнить для меня особую работу?

— Зависит от того, какого она будет сорта.

Китаец снова оглянулся кругом. Затем пустился в объяснения.

— У меня был приятель на разбившемся судне. Юноша-китаец из Гонг-Конга. Повар. Мой кузен в Пекине поручил ему доставить мне пакет, которого я так и не получил. Капитан пострадавшего судна сказал мне, что юноша-китаец утонул, но я не знаю... думаю, что это не так. Этот капитан теперь возвращается к месту крушения на «Эми Б.» Будет на ней помощником, как сказал мне м-р Мак Деффи.

— А что заключалось в этом пакете?

— Нефрит.

— Ну-у! — усмехнулся Матсон. — Кто стал бы убивать человека из-за такой ерунды. Да я целую бочку могу купить за десять долларов.

Винг Ли покачал головой.

— Есть нефрит и есть зеленое стекло. Второе не стоит и десяти долларов за бочку, а одно небольшое

изделие из первого стоит дороже целой бочки с долларами. Нефрит пяти добрых духов из могилы Минга, нефрит из Юппена, принесенный в дар великому Хунг-Хзи. Вот о каком нефрите я говорю.

Матсон пожал плечами.

— По мне, это все зеленое стекло. Что же я должен для вас сделать?

Китаец еще ближе придвинулся к моряку и осторожно сказал:

— Этот Копеланд, который был капитаном потерпевшего крушение судна, правел много лет в Китае. Думаю, что он знает толк в нефрите и возвращается на «Эми Б.» не только для спасения своего груза. Вот почему мне нужно, чтобы вы тоже отправились наблюдать за ним. А если привезете мне пакет, я щедро заплачу вам.

— Но если он убил этого вашего китайца, то ведь уже завладел пакетом;

— Тогда он не стал бы туда возвращаться. У него было бы достаточно денег, чтобы ни о чем не беспокоиться.

— Сколько же вы заплатите мне, если я доставлю пакет?

— Тысячу долларов! — ответил Винг Ли также хладнокровно, как если бы речь шла о пятидесяти центах.

Матсон свиснул. — Послушайте-ка Винг! За этим скрывается больше того, что вы рассказываете. Зря вы мне платить не станете.

— Я сообщил вам все, что мне известно и готов хорошо заплатить, потому что хочу получить мой нефрит.

— Хорошо, я к вашим услугам, Винг! Как мне зачислиться на судно?

— Оно отплывает завтра утром. Одного матроса не окажется на борту. Они могут ждать сколько им угодно, он не явится. Этого достаточно?

— Вполне! — ухмыльнулся Матсон.

Занимавший внимание приказчика покупатель к тому времени, когда Матсон покинул лавку, закончил свои покупки и побрел впереди него по Ривер Стрит. На углу он остановился. Миновав его, Матсон вспомнил, что когда он оглябал угол полчаса тому назад, этот китаец стоял на том же месте. Ему пришло на ум, что этот человек следит за ним, но, подумав, он усмехнулся такой нелепой мысли.

Ранним утром следующего дня Матсон был уже в доке. Он ничуть не пытался поглядеть капитана Барта и держался, как случайный зритель. Шуна «Эми Б.», изящное судно в полтора тонна, было готово к отплытию. На борт были подняты две шлюпки, предназначенные для перевозки груза.

— Мак Деффи

Капитан Барт отер свою толстую физиономию грязным рукавом рубашки и нерпеливо посмотрел вдоль дока. Копеланда бывший капитан, а теперешний помощник, еще раз убедился, что все в порядке и присоединился к капитану. Буксир поджидал с минуты на минуту и Матсон легко мог себе представить, о чем они озабоченно толковали между собою.

Буксир вошел в док и Матсон решил, что пора обнаружить свое присутствие. Поравнявшись с кормой шхуны, он дотронулся в знак приветствия до своей шапки.

— Я сегодня не досчитываюсь одного человека, — проворчал старый шкипер. — Не видал ли ты его?

— Как же, вчера вечером я его повстречал, — правдиво отвечал Матсон. — Но с тех пор я его не видел. Он был уже порядочно нагружен, хотя вечер еще только начинался.

Засвистел буксир.

— А не позволите ли вы мне его заменить? — спросил Матсон.

— Мне некогда ждать, пока ты сбегашь за своими пожитками.

сказал, что у вас есть для меня работа

— Да они мне и не потребуются. Могу отправиться, как я есть.

Капитан снова посмотрел на берег и, наконец, промывал свое согласие.

Матсон тотчас же взобрался на борт и бросился на полубак. Против дверей кухни он встретился лицом к лицу с поваром и с трудом подавил свое удивление. Повар оказался китайцем, возбуждившем накануне его подозрение. Если тот и признал его, то так же затаил этот факт про себя: его морщинистое лицо сохранило полную невозмутимость.

Возвратясь из полубака с вещами отсутствующего матроса, Матсон заметил, что капитан и его помощник пристально за ним наблюдают. У него возникла уверенность, что его отношения с Винг Ли известны и помощнику и повару, а возможно, что и самому капитану.

Команда судна представляла собой обычную смесь национальностей: двое канаков, португалец, скандинавец и, кроме Матсона, еще один американец. Этим шестерых матросов было более чем достаточно, чтобы ставить, убирать паруса, но на месте кораблекрушения всем им предстояла тяжелая работа.

Буксир отвалил от шхуны. Капитан крикнул «Топселя!» и легкий муссон подхватил судно. Неожиданно раздался зычный голос.

— Эй, ты там, босяк! — заорал помощник Матсону. — Умеешь рулить?

Матсон крепко закусил губы и, успокоившись, ответил:

— Моя фамилия — Матсон. Рулить умею.

— Берись за руль, посмотрим, как ты справишься! А если нет, так...

Команда удивленно переглянулась, пораженная беспричинным взрывом злобы помощника. Матсон поднялся кверху и сменил у руля второго помощника, который провел судно через канал. Капитан Барт, повидимому, сам несколько изумился, но ничего не сказал и вскоре сошел вниз. Желая по возможности избежать какого-бы то ни было столкновения с помощником, Матсон был крайне осторожен. Однако, когда все разошлись, он поднялся и, став около колеса, уставился на помощника.

— Чего ради ты так старался попасть на борт этой шхуны? — проворчал тот шопотом. — И что ты сделал с этим дураком матросом, после того как напоил его?

Матсон заметил, что люк каюты был открыт. А судя по тону помощника, тому было нежелательно, чтобы капитан услышал его.

— Не знаю, о чем вы говорите, сэр! — ответил он. — Я хотел получить койку на шхуне, потому что был на мели. Не знаю, что случилось и с тем матросом, который не вернулся во время.

— Лжешь! — бросил Копеланд. — Не забывай, что мне известна твоя затея и я изловлю тебя, как только ты что-нибудь выкинешь.

Матсон так крепко впился в рукоятку колеса, что его пальцы побелели, но сдержался и оставил эту угрозу без ответа. Теперь он узнал, почему Винг-Ли был готов так расщедриться: его поручение будет стоить этих денег.

Обычные юго-восточные муссоны внезапно улеглись и «Эми Б.» вяло покачивалась среди душного зноя. Солнце настолько припекало, что на палубе закипала смола.

Копеланд продолжал травить Матсона, выискивая для него самую трудную и грязную работу. На второй день штiglia он заставил его приводить в порядок заржавленную якорную цепь. Полубак трескался от жары, и до тяжелой, раскаленной цепи было невозможно прикоснуться голыми руками. Второй раз за это утро он подходил и измывался над работавшим Матсоном.

— Ну, вот, ты хотел получить работу на этой шхуне, — прошипел он, — по вкусу она тебе?

Матсон даже не поднял глаз. Он знал, что его мучитель преследовал одну цель — убрать его с дороги. Один удар мог послужить для него желанным оправданием, чтобы одеть на Матсона наручники или пустить ему пулю в лоб.

— Как же она тебе нравится, а?

Матсон снова промолчал.

— Проклятье! Почему ты мне не отвечаешь? — заорал помощник, и с размаху своим тяжелым сапогом ударил стоявшего на коленях матроса.

Матсон шатаясь поднялся на ноги и взглянул в упор на него. Он готов был размогнуть злобно оскаленную челюсть, но заметил внизу на палубе повара. Китаец торжествуяще улыбался, впервые со дня отплытия из Голлулу. Матсон внезапно ощутил, что повар не меньше помощника жаждал отделаться от него и будет глупо сыграть обоим в руку.

Видя его колебания, Копеланд стал его наускивать:

— Трус! Чего ты ждешь?

Привлеченная этим зычным криком команда собралась кругом них. Все матросы успели возненавидеть Копеланду.

— Убей его, янки! — вопил португалец Джоэ. — Мы поддержим тебя!

Матсон улыбнулся про себя. Он знал, что в открытой схватке маленький португалец первый задаст тягу.

— Сам он трус! — кричал скандинавец. — Пробует поддеть тебя!

Давне, второй американец, дал единственный рассудительный совет.

— Примечай за его револьвером, Янки! — Его голос покрыл гул остальных. Матсон заметил, что рука помощника потянулась к карману брюк.

— Нет, вы этого не сделаете! — Матсон покачал головой. — Если вы вытащите свой револьвер, это будет уже явное убийство.

Копеланд с проклятием убрал руку и повернулся к смеющейся команде.

— Убирайтесь вон отсюда! — рявкнул он. — Я покажу вам, как работать на этой лоханке!

Матросы с ропотом разошлись. Несмотря на все их дурное расположение духа, они еще не дошли до той точки возмущения, когда яростно глядят в револьверное дуло. Капитан Барт, как всегда, появился когда весь шум улегся и, не увидя ничего необычного, снова нырнул книзу.

Копеланд сдержал свое слово. Весь день он по каждому малейшему поводу ругал матросов и давал волю своему рукам. Под вечер его жертвой, по несчастной случайности, стал маленький португалец.

Корзина с цыплятами, висевшая рядом с кухней, привлекла внимание помощника. Он приказал Джо вычистить ее. Внезапно раздался громкий писк и один цыпленок полетел к борту. Команда забавлялась, глядя, как Джо пытается поймать беглеца. Раздался свирепый окрик помощника, новый писк и цыпленок скатился через борт в воду.

— Живо доставай его, туполобый дурак! — орал помощник. — Чего ты стоишь, разиня рот!

— Не могу, сэр! — пролепетал смущенный моряк. — Я не умею плавать.

— Пора научиться! — Копеланд потянулся, чтобы схватить его, и Джо в ужасе укрывшись в кухне. Наблюдавший с полубака эту сцену Матсон заметил, как повар всунул в руку португальца нож. В мгновение ока Джо выскочил из кухни и с ножом бросился на Копеланда. Его постигла полная неудача. Помощник поймал руку, державшую нож, и яростно сдвинул ее. Когда оружие со звоном упало на палубу, он прислонил свою жертву к стене кухни и избил ее до потери сознания.

— Что случилось, м-р Копеланд? — крикнул капитан с мостика.

Помощник показал на захлебнувшегося цыпленка позади шхуны.

— Учил одного дурака, как чистить цыпленка корзину, не выпуская всех цыплят на волю.

— Что это была курица или наседка, м-р Копеланд? — осведомился капитан.

— У меня не было времени разглядеть ее! — рассмеялся помощник.

Для Матсона этот инцидент означал нечто большее, чем жестокое избивание матроса. Ему было известно, что суд стал бы на сторону помощника, даже если бы тот убил человека, потому что нельзя было отрицать факта нападения с ножом. Однако, Матсон знал и то, что не было известно Копеланду, — об участии китайца в этом нападении. Это наилучшим образом свидетельствовало о характере взаимных отношений повара и помощника.

Спустя пять дней появилась в виду единственная уцелевшая мачта потерпевшего крушение судна и к вечеру «Эми Б.» стала на якорь, на возможно близком расстоянии от рифа. Едва успела размотаться якорная цепь, как помощник приказал спустить шлюпку и назначил на нее гребцами обоим канакам. Капитан Барт равнодушно наблюдал за всеми приготовлениями. Матсона удивило, что капитан не интересовался ничем, кроме своей каюты.

— Возможно, что я останусь на ночь на борту, поглядеть, как обстоит там дело, — крикнул Копеланд капитану. — Хорошая мысль! — согласился капитан. — Завтра с утра мы займемся грузом.

Матсон разразился в душе проклятием. Какие у него остаются шансы найти этот пакет, раз Копеланд опередит его на целую ночь! А что чувствует в эту минуту китаец? Взглянув по направлению кухни, он увидел нахмуренное лицо повара, провожавшего глазами отплывающую шлюпку.

Когда стемнело, на борту разбитого судна блеснул огонек. Немного позже канаки одни вернулись обратно. Матсона злило, что он был так легко побежден. Растянувшись на палубе, он притворился спящим.

Часом позже все остальные тоже улеглись, кроме вахтенного у якоря, который, очевидно, тоже задремал. Свет

в помещении повара несколько времени тому назад погас. Матсон спокойно пробрался к больверку, скинул рубашку и сапоги и перелез за борт. В соседстве со шхунной кишкой акулы, но он решился пойти на риск, отпустил скользкий борт, поплыл к рифу и вскоре очутился на заваленной палубе, засевшей на скале барки.

Свет, который он наблюдал со шхуны, горел в кухне. Осторожно пробравшись туда, Матсон заглянул в открытую дверь. Копеланд спиной к нему, разглядывал подкладку превратившейся в лохмотья одежды. Отшвырнув ее в сторону, он поднял какие-то штаны и, вывернув наружу карманы, вспорол их сбоку по шву. Не найдя ничего, он забормотал себе под нос и толкнул ногой что-то, лежавшее на полу.

Сначала Матсон не мог рассмотреть, что это такое. Но когда он подкрался ближе, волосы на его голове зашевелились от ужаса. Он увидел, что это были побелевшие останки человека. Помощник был занят тем, что раздевал их. Содрав с них рубашку, он взволнованно опустился на колени. Вокруг скелета обвивался полусгнивший пояс для ношения денег. Копеланд оторвал его и тщательно исследовал, но остался явно разочарованным. Отбросив с проклятием пояс, он снова пнул ногой покойника.

Матсон наблюдал эту отвратительную сцену, как вдруг его ухо уловило какой-то шум на палубе. Скользя обратно в тень полубака, он стал ждать повторения того же звука. Этого не случилось, но затем какая-то фигура подкралась к кухне и тоже заглянула в открытую дверь. Он узнал в ней китайца-повара со шхуны. Матсон притаился, ожидая, что будет дальше.

Медленно протекали минуты. Мускулы его разболелись от напряженной согнутой позы, но китаец не двигался. Внутри кухни Копеланд переворачивал все вещи вверх дном. Снова осмотрев лохмотья и пояс, он с отвращением собрал их в кучу и выкинул за борт.

Китаец едва избежал при этом встречи с Копеландом. Он мгновенно нырнул в темноту полубака, так близко от Матсона, что мог бы до него дотронуться. Копеланд собрал кости и кожу покойника и послал их туда же, за борт.

Матсон не сомневался, что мертвец и был тот юноша-китаец, который, якобы, утонул. Винг Ли был прав, не веря этому известию, но теперь не оставалось никакой улики.

Помощник безуспешно искал среди заржавевших горшков, взял свой фонарь и перенес его в соседнее с кухней помещение повара. Потом, вернувшись на палубу, недвижно постоял, впиваясь глазами в окружающий мрак. Выйдя из полосу лившегося из открытой двери каюты света, он обогнул кухню, перешел на другую сторону палубы и, прислонясь к перилам, вслушивался в темноту.

Китаец, как молния, кинулся из тени полубака в освещенную каюту. Матсон заметил, как он по-пути вытащил из-под своей куртки небольшой пакет, через секунду выскочил обратно и снова спрятался в тень.

Копеланд вернулся и вошел в каюту. Китаец тотчас же пробрался по палубе и исчез так же незаметно, как явился.

В мыслях Матсона зашевелилась целая дюжина вопросов. Каковы были намерения китайца? Что находилось в его пакете? Если нефрит, то где же он нашел его и почему положил там, где его мог найти Копеланд? Оставив свое укромное место, Матсон украдкой заглянул в каюту.

Помощник тщательно ввинчивал пригоршнями солому из ветхого матраца, громко выругался и выбросил матрац на палубу, потом его внимание привлек узел под койкой. Он вытащил его. Вместе с узлом выкатился небольшой пакет.

Матсон затаил дыхание, пока Копеланд разрывал оболочку пакета. Правда, на таком расстоянии нельзя было разглядеть его содержимого, но удовлетворенного восклицания помощника было достаточно. Одним прыжком Матсон влетел в каюту и выхватил пакет из рук изумленного Копеланда.

Засунув пакет в карман, он повернулся к выходу, но оправившийся от изумления Копеланд выхватил револьвер. Матсон вышиб у него оружие. Оба схватились врукопашную и выкатились на палубу, нанося друг другу свирепые удары. Матсон почувствовал, что противник пытается во что бы то ни стало его изувечить. Изловчившись, он с усилием высвободился из мощных рук Копеланда и метким выпадом в челюсть лишил его сознания. Одышавшись, Матсон пробрался к упавшей мачте и спустившись по ней в воду, поплыл обратно на шхуну.

На следующее утро началось перевозка груза. Копеланд вернулся со своего бывшего судна только к концу дневной работы и прямо прошел в свою каюту? Второй американец, Дэвис, поднявшись вслед за помощником на палубу, пылливо поглядел на Матсона и спросил:

— Был ты) ночью на разбитой барке?

Матсон притворился удивленным.

— С какой стати, что мне там делать?

— Ну, тогда я не знаю, на кого и подумать. Разве что помощник со скуки решил сам с собой подраться и посадил себе под глаз великолепный фонарь.

Матсон распределил содержимое пакета по своим карманам, но потом, опасаясь за его сохранность, улучил после ужина момент, когда вся команда находилась на полу-баке, незаметно проскользнул в якорное помещение и спрятал там свою добычу. Потом растянулся вместе с остальными на палубе, но не спал, а вслушивался в темноту. Он не знал, что именно предпримет Копеланд, но отнюдь не желал быть застигнутым врасплох.

Вдруг он услышал чье-то движение. Гибкая фигура китайца выскользнула из кухни и поспешила к борту. Матсон неслышно прокрался за ней. Китаец спустился в одну из шлюпок и отчалил к рифу. Матсон решил последовать за ним вплавать. Достигнув потерпевшего аварии судна, он задержался на больварке, пока в кухне не появился слабый свет. Подойдя туда, он увидел, что китаец так же, как и прошлой ночью помощник, обшаривает каждый уголок кухни.

Матсону стало ясно, что отнятый им у Копеланда нефрит ничего не стоит и либо китаец хотел сбить Копеланда с толку и отвести его от дальнейших поисков, либо же на шхуне действительно спрятано нечто очень ценное.

Никто не мог бы так тщательно обыскать кухню, как именно повар.

Китаец так подробно исследовал один горшок за другим, каждый печной кирпич, деревянную обшивку стен и потолка, что с интересом наблюдавший за ним Матсон стал опасаться, успеют ли они до рассвета вернуться на шхуну. Но поиски оказались безрезультатными. Так же безуспешно осмотрев и помещение повара, китаец загасил свой фонарь и отправился обратно на шхуну.

На завтра повторилось то же самое: днем шла усиленная перевозка груза, а ночью китаец, на глазах тайком следившего за ним Матсона, продолжал обыскивать одну часть барки за другой. На третье утро Девис внезапно обратился к Матсону.

— Не знаю, какую ты видишь игру, янки, но помощник тебя в чем-то подозревает, искал тебя прошлой ночью на палубе, и, очевидно, заметил, что не хватает одной шлюпки.

Матсон промолчал, но, когда наступила ночь, вместо того, чтобы как всегда последовать за китайцем, остался лежать неподвижно. Едва повар спустился в шлюпку, как Копеланд сбежал с мостика и приказал ему вернуться обратно, а когда китаец повиновался, с размаху ударил его кулаком. Тут только Копеланд заметил свою ошибку и отступив назад, удивленно воскликнул:

— И ты тоже?

Взбешенный китаец молча кинулся на Копеланда, высоко занеся над головой руку с длинным, широким ножом. Матсон увидал, как оба сцепились и через одну-две минуты услышал шум грузного падения чьего-то тела. Последовало длительное молчание. Потом Копеланд выпрямился во весь рост, оглянулся на спавших в другом конце

палубы матросов, сгреб неподвижное тело китайца и перекинул его за борт.

После всего происшедшего Матсону не захотелось отправляться на разрушенное судно. Несмотря на усталость, он долго не мог уснуть. Задремавший на вахте португалец проснулся и разбудив сменившего его Девиса, сейчас же снова уснул.

С рассветом все узнали об убийстве. Залитая кровью палуба не оставляла никаких сомнений. Капитан Барт, бо-сой, в пижаме, явился исследовать происшествие.

— Известно ли кому-нибудь из вас что-либо об этом деле? — спросил он испуганную команду.

Матросы пробормотали: — Нет, — отрицательно качая головами.

— Мистер Копеланд, м-р Айнглез! — он повернулся к своим помощникам. — Здесь произошло убийство. Мы должны найти человека, который его совершил.

— Уверен, что мы оба тут непричем. Какой нам смысл убивать сумасшедшего „язычника“, — ответил Копеланд.

— Действительно, — согласился капитан.

— В таком случае, это дело одного из вас! — продолжал Копеланд — обращаясь к матросам. — Кто из вас стоял на вахтенным нынче ночью? — Он взглянул на Матсона, но тот отстоял свою вахту предыдущую ночь.

— Ну, выходите, — кричал помощник, — вперед!

Португалец Девис и один из канаков выступили вперед.

— Ну, что же вы знаете? — продолжал он. — Убийство не могло совершиться здесь, на открытой палубе, без ведома одного из вас.

Все трое молчали.

— Кто нес последнюю вахту? — спросил он. — Как утвердительно кивнул головой. — Так! Это тебя исключает, так за два-три часа кровь не успела бы так засохнуть.

Канак облегченно отступил в толпу.

— Девис, ты нес вахту с 12 до 4-х?

Девис подтвердил это. — Знаешь ли ты что-нибудь? — Нет, сэр.

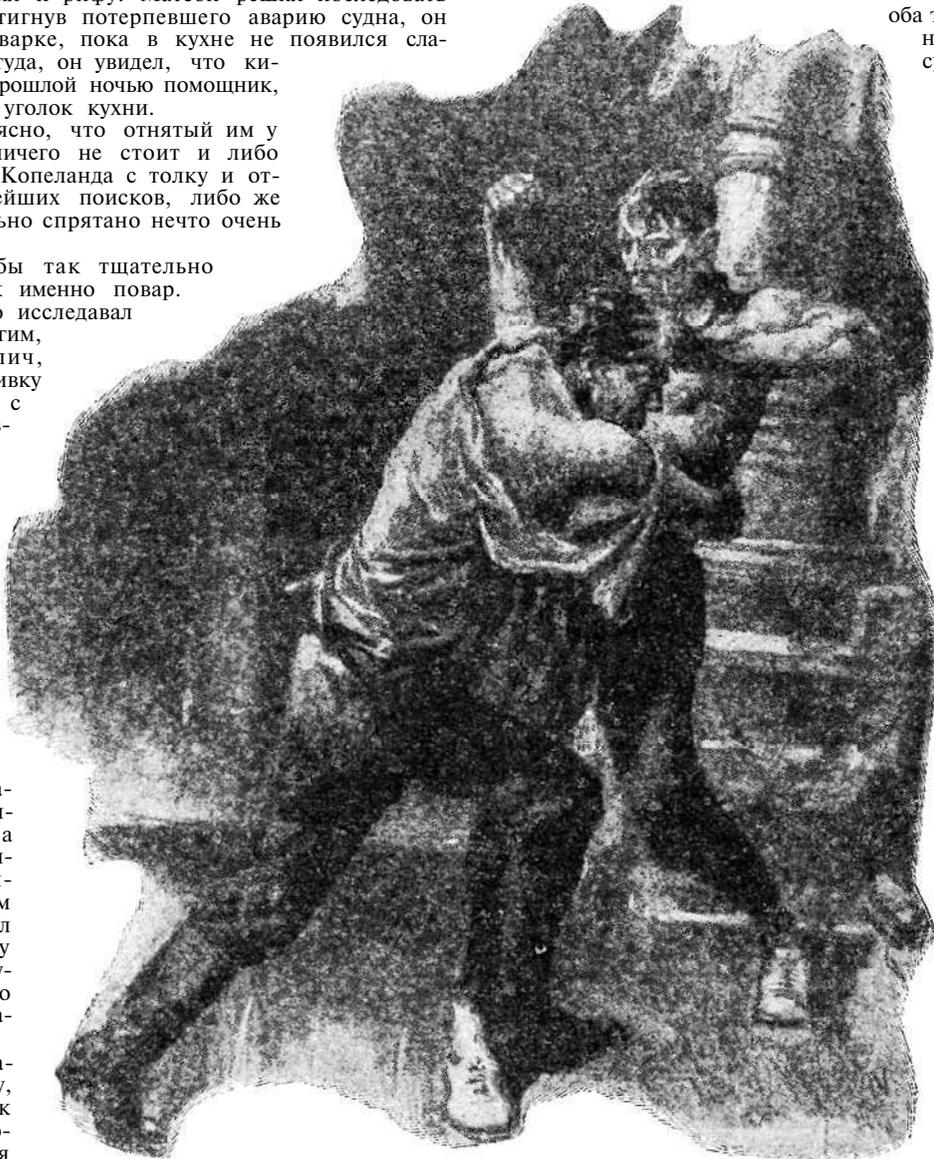
— Ты стоял на вахте в предыдущую ночь? Заметил ли тогда что-нибудь необычайное?

— Да, я видел, как китаец, однажды, проскользнул на палубу и в одной из шлюпок отправился к разбитому кораблю. — Это было новостью для Копеланда. Он не смог скрыть своего удивления.

— Почему ты ничего не сказал об этом? — прорычал он.

— Вы тоже не спали и были на палубе, сэр! — ответил спокойно Девис. — Я думал, что вам это известно.

Помощник нахмурился и сжал кулаки.

Оба схватились в рукопашную и выкатились на палубу, нанося друг другу свирепые удары

— Это моя обязанность не спать и следить за вами, черти! — проворчал он. — Ты врешь, говоря, что я что-либо знал о китайце.

— Я только отвечаю на ваш вопрос, сэр.

— Ну, хватит! Кого-нибудь да повесят за это дело. Сейчас не время для догадок. — Копеланд повернулся спиной к Девису и обратился к португальцу. С минуту он пристально молча смотрел на него. Джо ненавидел и боялся помощника всей своей жалкой душкой. Он смотрел на него теперь, как пойманная крыса.

— Ну, — пробормотал Копеланд, — а что ты знаешь об этом?

— Ничего.

Помощник пристально взглянул на высохшую кровь, потом на португальца. — Это пятно здесь, по крайней мере, с полуночи, а то и раньше,

— Твоя была вахта с 8-ми до 12-ти, не правда ли?

— Да, сэр.

— Ты, что же, спал?

Запуганный человек побоялся сказать правду.

— Нет, сэр! — возразил он.

— В таком случае, ты должен, что-нибудь знать об убийстве. Если же ты боишься сказать, то очевидно, потому, что сам замешан в этом деле.

— Нет, нет! — закричал португалец. — Я спал.

— Спал! — усмехнулся Копеланд, — Только кто клялся, что не спал. Уж раз ты врешь насчет одного, то совершь и насчет другого.

— Я убежден, что это так, — прервал его капитан, — а человек, который может лгать, может и убить.

Абсурдная логика! Но чего большего могли ожидать от него матросы. Обвинение невинного португальца взбесило Матсона, но он сдержался, чувствуя, что еще не настало время вмешиваться.

— Он уже замахнулся раз на вас ножом, — обратился капитан к Копеланду, — не правда ли?

— Да, и чуть было меня не поранил.

— Ну, тогда у меня достаточно доказательств. Заприте его в кухне и пусть он займется стряпней. Это хорошее место для размышлений. Когда мы придем в Гонолулу, мы сдадим его полиции.

Португалец в ярости бросился к капитану, но бдительный помощник опрокинул его ударом кулака и раньше, чем он успел встать на ноги, сгреб его за шиворот и втолкнул в кухню.

В эту ночь Матсон ее посещал разбитого корабля. Он не представлял себе там уюта, который бы уже не обшарил покойный китаец. Кроме того, три бессонных ночи сказались на его силах.

Португалец бранился и сыпал проклятиями в своем заточении. Матросы, приходя за едой, пробовали утешать его, но он был запуган и взбешен до потери рассудка. Сначала он отказался готовить пищу, но угрозы Копеланда повесить его тут же, на месте, положили конец его сопротивлению.

Потерпевшая аварию барка небольшим судном и на пятый день работы с нее успели снять весь груз. Все, что как-то могло пригодиться, было содрано и перевезено на корабль, вплоть до полуиспорченных запасов кладовой, и охапки дров из кухни.

Когда на «Эми Б» был поднят якорь, Матсон удовлетворенно почувствовал, что сделал все, что было в его силах. Он был уверен, что на обратном пути в Гонолулу Копеланд попытается как-нибудь вернуть себе нефрит, если он еще уверен в его подлинности.

Португалец постепенно успокаивался. Матсон ждал, когда он окончательно придет в себя, чтобы сообщить ему все насчет убийства китайца и предложить ему свою поддержку. Возможность эта представилась ему во время второй вахты, за день до их прихода в Гонолулу. Португалец удивился тому, что услышал, но не придал этому никакого значения.

— Теперь все в порядке! — пояснил он, — М-р. Копеланд даст мне возможность сбежать.

— Сбежать? — воскликнул Матсон. — Дурак ты этакий! Да ведь он будет уверять, что ты убийца и тебя будут преследовать весь остаток твоей жизни!

— Да, но он говорит, что я не могу доказать свою невиновность, так уж лучше мне бежать.

— Но я могу это подтвердить. Я видел, как он его убил. Он спасает свою шкуру, давая тебе возможность скрыться.

— А если власти тебе не поверят? Какие у тебя доказательства и притом ты только матрос, а он помощник капитана. Нет! Я уже вошел с ним в сделку: нашел нефрит и сказал ему, что он стоит уйму денег. Я заставил его обещать отпустить меня и за это отдал ему нефрит.

— Нефрит! — воскликнул Матсон. — Где же ты его нашел?

Джо удивился произошедшей в Матсоне перемене.

— Ты тоже думаешь, что эта штука стоит денег? Смешно. А я нашел его в полене, когда растоплял печку дровами с разбитого корабля. Один кусочек выскоил

— Убирайтесь вон

из дерева. Тогда я расколос полено. Оно все было полно нефрита. Там было и немного золота.

Матсон обругал себя дураком — он видел десятки раз эти дрова, помогая их перегружать, да так и не догадался обыскать их.

— И ты отдал ему твою находку? — спросил он.

Джо засмеялся.

— Ну, да, он пошел на эту приманку, как рыба.

Матсон соображал. Теперь ему было ясно, почему Копеланд его не беспокоил.

— Когда он обещал освободить тебя? — спросил он.

— Я не знаю. Он говорит, когда мы придем в Гонолулу.

— Он врет тебе, Джо. Сговорись с ним отправить тебя в шлюпку на берег сегодня ночью, не давай ему увести себя в Гонолулу, иначе тебе никогда не видать свободы.

— Почему ты так думаешь? — португальца было легко смутить.

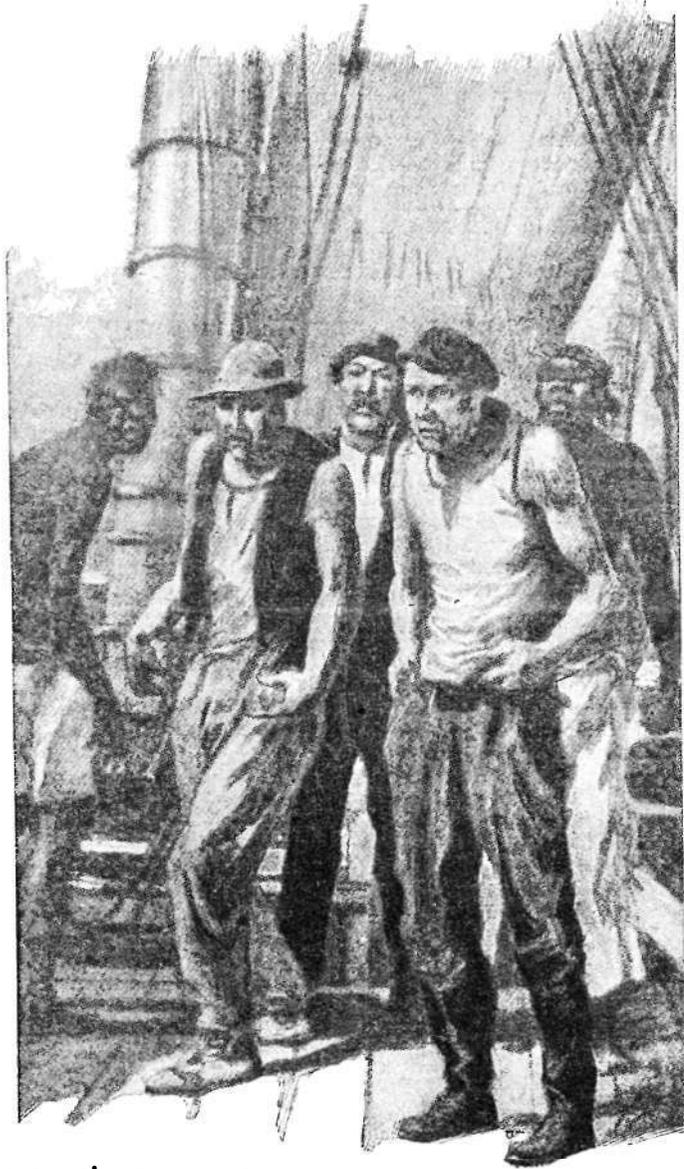
— Потому, что знаю, его. Разве ты сам мало имел с ним дела?

— Может быть, он и врет мне. Ладно! Сегодня же ночью я попрошу его.

Матсон покинул португальца в тяжелых размышлениях. Ко времени разговора с Копеландом, Джо снова впал в полусумасшедшее состояние. В конце первой ночной вахты Копеланд делал обход палубы. Услышав, как Джо позвал помощника, Матсон подкрался к кухне, чтобы подслушать их разговор.

— Что тебе надо? — проворчал помощник.

— Дайте мне шлюпку сегодня ночью. Высадившись на берег, я разобью ее о скалы и вы можете сказать, что я утонул.

отсюда! — рявкнул он.

— Дать тебе шлюпку? Да ты с ума сошел. Ты ее не стоишь.

— Что же вы думаете со мной сделать? — свирепо спросил Джо.

— Что? Эх, ты, дурак! Да я сдам тебя полиции. Что же, по твоему, я еще буду с тобой делать?

— А-а! Так вы солгали? Клянусь богом, я убью вас!

— Убьешь? У тебя кишка тонка, — презрительно бросил Копеланд и удалился.

Матсон обогнул угол кухни и в упор встретился с помощником.

— У вас будет чем похвастаться! Нечего сказать, отважный поступок — убить беднягу китайца!

— Опять ты? — прошипел Копеланд. — Ну, на этот раз ты от меня не уйдешь! — Он полез в карман за револьвером.

Матсон стоял слишком далеко, чтобы выхватить из его рук револьвер. Секунда, пока он ожидал вспышки огня,

показалась ему вечностью. Но вспышки не последовало. Послышался вопль, блеснул нож, и револьвер, выпав из обессилевших пальцев помощника, с треском покотился по палубе.

Раненый отпрянул назад. Снова сверкнул огромный нож и снова раздался вопль, хотя на этот раз нож полоснул по воздуху. Прижатый к перилам, между перегорожкой полубака, с одной стороны, и Матсоном, с другой, Копеланд зывал о пощаде. — Не убивайте меня! Не убивайте! — Но просьба его не помогла.

Снова замахнувшись ножом, португалец подскочил к помощнику. Его омрачившийся рассудок был полон негодования и жажды мести.

У Копеланда оставался один путь избежать удара ножа. Одним прыжком он перемахнул через перила и исчез в омывавшей борт пене. В последнем приливе бешенства, португалец швырнул вслед ему свой нож и, всхлипывая, упал на палубу.

— Человек за бортом! — крикнул Матсон и кинулся наверх.

Стоявший у руля Девис кинул в воду спасательный круг. Он упал не далее ярда от головы утопающего, и все на шхуне затаили дыхание, но потом круг, непритронутый, отплыл в сторону и исчез в темноте.

Капитан Барт выглянул снизу и, видя, что команда собралась на корме, вышел на палубу.

— Что случилось? — спросил он,

Матсон сообщил о гибели помощника.

— Повернуть назад, сэр? — спросил Девис.

— Вы говорите, что он даже не ухватился за спасательный круг?

— Круг чуть не попал ему на голову, сэр, но он не дотронулся до него.

— Значит, он не нуждался в нем, и нам бесполезно будет итти назад. Какого дьявола он прыгнул за борт? Любой дурак может придумать лучший способ самоубийства, чем бросаться со шхуны при таком ветре. А, кстати, хороший ветер. Держу пари, что мы делаем не меньше восьми узлов.

Айнглез заступил вахту, а капитан, взглянув на вздувавшиеся паруса, ушел книзу. Он проявлял не больше признаков волнения, чем при виде потери своего щипленка. «Настало время, — решил Матсон, — рассказать капитану то, что ему было известно об убийстве китайца».

Сходив сначала в якорное помещение, он выудил спрятанный там пакет, потом, с разрешения второго помощника, спустился к каюте капитана.

— Что вам нужно? — отвечал старик на его стук.

— Я полагаю, вам следует узнать, сэр, что ваш утонувший помощник был убийцей китайца.

— Помощник! Ты с ума сошел! Стараешься очернить покойника, чтобы вызволить португальца?

— Нет, сэр. Я сам видел, как он это сделал.

— Сам видел? Однако, чортovski неподходящее время именно теперь сообщать мне об этом.

— Так точно, сэр! Но вам известно, как оно всегда бывает... Я вовсе не хотел быть избитым до смерти, прежде чем мы войдем в порт.

— Ерунда! На моем судне никогда не водилось рукоприкладства.

У Матсона было на этот счет иное мнение, но он не стал спорить.

— Ну, что же ты видел? Мне не нравится пятнать покойника, но, может быть, мне и вправду следует узнать об этом.

Матсон рассказал все, чему он был свидетелем в ту ночь на палубе.

— Следовательно, он убил «язычника» из самозащиты? — объявил капитан. — Я сам поступил бы так же.

— Возможно, сэр! — уступил ему Матсон. — Но ведь из-за чего-то должен был загореться весь этот сыр-бор. Я смекнул про себя, что китаец искал что-то на погибшем судне, а помощник застал его за этим занятием и отнял у него находку.

— А что же он мог искать?

— Этого я не знаю, сэр! Полагаю, что нам надо бы посмотреть в его вещах, нет ли там чего-нибудь такого, чего мог бы желать китаец.

— Ты имеешь в виду опиум? Вы, дурачье, вбили себе в голову, что каждый человек, владеющий судном, занимается контрабандой опиума.

Матсону было доподлинно известно, какой ценой была приобретена шхуна, на которой он находился, но обстоятельства требовали от него соблюдения величайшей дипломатии.

— Нет нет! — запротестовал он. — Я просто подумал, что мы можем спасти бедного невинного Джо от виселицы. Уверен, что вы не хотите, чтобы его зря повесили.

— Разумеется, не хочу! Отправляйся в его бывшую каюту и взгляни, не найдешь ли там чего. Только не вздумай стащить что-либо.

— Я бы предпочел пойти вместе с вами, сэр! — предложил Матсон.

— Нет, мне некогда с этим возиться! Сообщи мне, если найдешь что-нибудь.

Матсон обнаружил в каюте помощника уйму личных вещей, перевезенных Копеландом с барки. Он не знал, откуда начать свои поиски, но, наконец, решил сначала обшарить обычные потайные места, прежде чем перейти к ящикам и мешкам.

Догадка оказалась удачной. Он заметил пару старых сапог, в одном из которых торчали носки. Под носками лежала грязная тряпка. Когда он ее развернул, у него вырвалось невольное восклицание. Перед ним лежали различные изделия цвета переливающегося моря. Смеющиеся собаки, чешуйчатые драконы и толстые старые Будды были соединены вместе полосками из китайского золота. Это было, пожалуй, поценнее зеленого стекла. Убрав тряпку, он тщательно запрятал свою новую находку за пояс. Обернул в тряпку пакет, который он принес с собою и с торжеством возвратился к капитану.

Старик посмотрел на изделия и фыркнул: — Подделка! Зеленое стекло! Неужели ты думаешь, что человек убил бы кого-нибудь ради этой дряни! Я-то знаю нефрит! Хотя, может быть, тот дурак и принял это за настоящий камень.

— Разумеется так, сэр. Иначе он не постарался бы его так запрятать.

— Мне предстоит дьявольски неприятная задача выпутаться из этой неприятности. Один человек убит, другой погиб за бортом. Для дела плохо, когда о корабле начинают ходить всякие толки.

— Вы можете сказать, что между обоими произошла схватка! — предложил Матсон.

Капитан пытливо взглянул на него.

— Как ты полагаешь, достаточно ли у португальца здравого смысла, чтобы держать язык на привязи?

— Бедняга Джо! Он запуган до смерти. Если ему представится возможность бежать, вы его больше никогда не увидите, сэр.

— А как насчет тебя?

— Это не мое дело! — пожал Матсон плечами. — Я видел, как этот дьявол совершил убийство и как он утонул за это, что с моей точки зрения уравнивает все происшедшее. Полагаю, что и остальные думают так же.

Поразмыслив, капитан кивнул своей жирной головой:

— По-моему, тоже! — заявил он. — Выпусти португальца и скажи ему, что чем он скорее исчезнет, тем будет лучше.

— Есть, сэр! Вы человек справедливый! — говоря это, Матсон снова завернул сомнительный нефрит в грязную тряпку.

— Что ты хочешь с ним сделать? — спросил капитан.

— Положить обратно, сэр.

— Брось его за борт В нем нет никакого проку. Как бы там ни было, это проклятое стекло принесло несчастье.

— Слушаюсь, сэр, полагаю, что вы правы! — согласился Матсон.

Но, выйдя на палубу, он вместо того, чтобы кинуть пакет в воду, положил его себе в карман.

На следующее утро, после того, как шхуна вошла в док, он прямо отправился в бакалейную лавку Винг Ли.

— А, вы вернулись! — воскликнул лавочник.

— Да, вернулся, и вот то, что вам было нужно.

Винг Ли схватил своими костлявыми руками пакет и раскрыл его. Один беглый взгляд, и он вскочил с табурета, разразившись всевозможными проклятиями на китайском языке.

— В чем дело? — спросил Матсон.

— Это не нефрит, а стекло!

— Мне тоже так думается! — усмехнулся Матсон. — Но я хотел наверняка убедиться. А что вы скажете вот об этом?

Он положил перед китайцем второй пакет.

Винг Ли трепетно разорвал его и со вздохом опустился на табурет: перед ним грудой покоились смеющиеся собаки и толстые маленькие Будды с золотыми звеньями. Он долго любовно смотрел на них, а потом потянулся за своими деньгами.

— Вы — молодец! — сказал он, отсчитывая десять билетов, по сотне долларов каждый.

Матсон сложил билеты и сунул их в карман. Эта сумма могла на целый год обеспечить ему полный пансион у Мак-Деффи.

— Я был дураком, если хотите знать! — сказал он. — Я бы снова не взялся за эту работу и за десять тысяч долларов.

— Вам и не придется! — покачал головой Винг Ли. — Подобного этому нефрита нет больше во всем Китае.

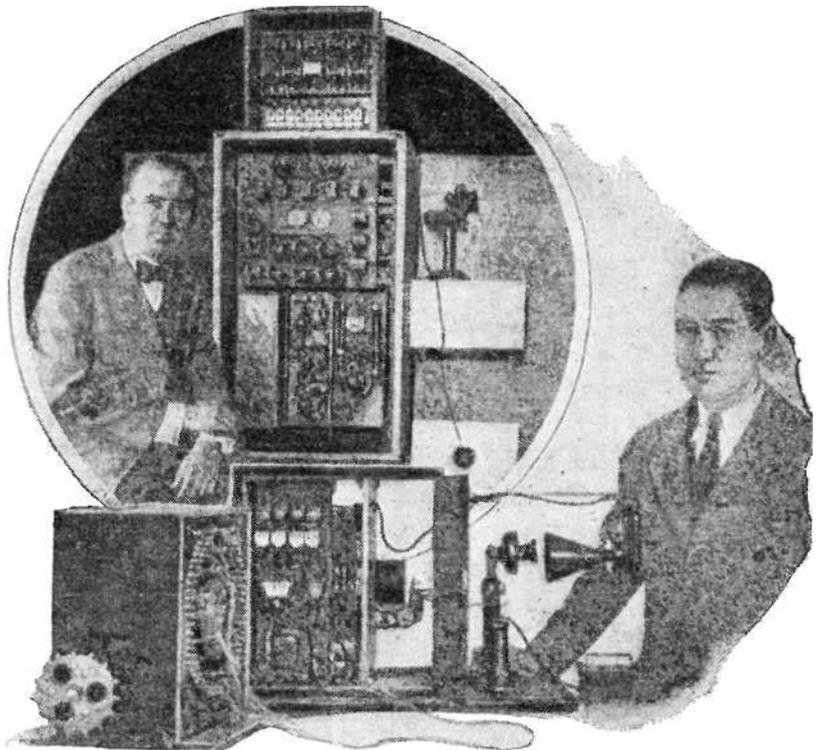
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Мы уже сообщали вкратце нашему читателю об изобретении двумя американскими инженерами (М. Радклиффом и Р. Уэнзлей) такой электрической машины, которая отвечает по телефону, пускает в ход и останавливает машину, читает уровень воды в резервуарах и может выполнять множество других заданий.

Три таких автомата в настоящее время нашли себе практическое применение, заняв место девяти сторожей, которые наблюдали за тремя водными резервуарами. Когда инженеру нужно было узнать глубину воды в одном каком-нибудь резервуаре, он вызывает по телефону центральную станцию, дает нужный номер и механический человек отвечает, указывает уровень и глубину.

Сходная по своей конструкции машина, недавно испытанная на предприятии Вестингауза, включала и выключала свет, пускала в ход и останавливала вентилятор, открывала и закрывала дверь, автоматически подметала и т. д. Эта модель повиновалась передаваемым по телефону распоряжениям человека, но последний практически может быть заменен особыми электричеством настроенными вилками, которые в соответствующем тоне передают то или иное приказание.

Механический «человек» вырос из потребности в таком приспособлении, которое давало бы возможность контролировать работу далеко расположенных машин, не устанавливая здесь дорого стоящей проволочной проводки на большом расстоянии.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ!

1. О присылке ярлыка.

При всякого рода жалобах и запросах о доставке журнала, равно как при перемене своего адреса, обязательно присылайте ярлык (наклейку), по которому получаете журнал.

2. О втором взносе и новых подписчиках.

С № 12 прекращается высылка журнала всем невнесшим своего второго взноса.

При переводе денег обязательно указывайте, подписывались ли в издательстве „Красная Газета“, а если нет, то где вы раньше подписывались. Если же вы подписываетесь впервые, то указывайте на переводном бланке, что являетесь новым подписчиком.

3. О розыгрыше премий.

Результаты первого розыгрыша наших премий будут указаны в № 14 „Вокруг Света“.

Если на ваш билет упадет выигрыш, немедленно высылайте его заказным по адресу: Ленинград, 2, Фонтанка, 57, „Красная Газета“, в Отдел Распространения. Вместе с билетом укажите, куда высылать выигрыш.

Все выигрыши высылаются за счет издательства.

4. О приложениях на 1928 г.

С № 12 журнала подписчикам было разослано пятое приложение: К. Хайн, „Новые приключения капитана Кэтль“.

С этим номером, 13-м, рассылается шестое приложение: Д. Биггерс, „Дом без ключа“.

5. О приложениях за 1927 г.

*В субботу 24-го марта разослано 16-е приложение за 1927 г. В. Динзе — *Велосипед (Устройство, Езда, Уход)*. *Спутник велосипедиста*.*

*В субботу 31-го марта рассылается 17-е приложение за 1927 г. „*В мастерской туриста-спортсмена*“.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“ ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ СЛУЧАЕМ!

ПО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И БЕЛЛЕТРИСТИКЕ.

Альбом «Власть Советов за 10 лет»	3 р. — к.
Альбом «Власть Советов за 10 лет» (в переплете)	5 » — »
Альбом «Власть Советов за 10 лет» (на велен. бумаге)	10 » — »
Отречение Николая II (второе дополн. издание)	1 » 60 »
Юденич под Петроградом	1 » 65 »
Л. С. Фридланд. 10 месяцев	1 » 60 »
Сборник «Октябрьский шквал»	1 » 20 »
Безруких. Транспорт за 10 лет	— » 30 »
Раппорт. 10 лет на боевом посту. История «Красной Газеты»	— » 75 »
Сборник «Минувшие дни», I, II и III выпуски по XV партсъезду о комсомоле	— » 75 »
Слепков. На бытовые темы	— » 10 »
Канин. О дружбе и товариществе в комсомоле	— » 30 »
Процесс Шварцбарга (в парижском суде)	— » 10 »
Октябрь в искусстве (сборник)	1 » 25 »
Э. Бах. Резиденция последних Романовых	— » 25 »
Альбом современной Англии	— » 80 »
Зарин. Побег революционеров	— » 40 »
Зарин. Герои прошлого	— » 15 »
Вассерман. Ева	2 » — »
Лесник. У воды	— » 20 »
Б. Лавренев. Буйная жизнь (второе издание)	— » 75 »
Чуковский, К. Маленькие дети	1 » — »
Избранные стихи Безымянского и др.	— » 10 »
Коринлов. Стихи	— » 40 »
Брет-Гарт. I том	— » 50 »
» II »	— » 50 »
» III »	— » 50 »
Мари-Твен. Приключение Тома Сойера	— » 60 »
» Приключение Гека Финна	— » 75 »
» Рассказы	— » 40 »
Г. Уэллс. Остров доктора Моро	— » 50 »
» Рассказ о необычайном	— » 20 »
Кольчугин. Красный граф	— » 75 »
Бриджес. Книга открытий	— » 75 »
Тудуз. Человек, украшавший Гольфштрем	— » 30 »
Тваден. Трест Атлантида	— » 40 »
Арадов. Микула Безлошадный	— » 10 »
Р. Гузи. В стране карликов, горилл и бегемотов	— » 25 »
А. Гайз. Он искал приключений	— » 30 »
Болонтайн. Коралловый остров	— » 25 »
Хайнс. В южных морях	— » 40 »
Четыре рассказа (сборник)	— » 10 »
Савиньон. Золотое дно	— » 20 »
Гальперин. Вокруг Европы	— » 10 »
Ломакин. Бриг-Мортон	— » 50 »

ПО ЮМОРИСТИКЕ:

Ломакин. Ложкой по лбу	— » 15 »
» Глаз с крючком	— » 10 »
Пант. Романов. Избранные рассказы	— » 10 »
Вл. Войнов. Ламца-дрица	— » 10 »
И. Прутков. Взгляд в корень	— » 10 »
М. Зошенко. Мещанский уклон	— » 10 »
П. Уодгауз. Рассказы	— » 10 »
Н. Тэффи. На чужбине	— » 10 »
Д. Цензор. Мои соседи	— » 10 »
И. Прутков. Веселая путаница	— » 10 »
В. Войнов. Головоуны	— » 10 »
О. Л. д'Ор. Курить хочется	— » 10 »
Игн. Ломакин. Собственная жена	— » 10 »
Игн. Потапенко. Сурганский университет	— » 10 »
Войнов. Трусики, бельевые усяки	— » 15 »
Игн. Ломакин. Бурый бродяга	— » 15 »

ПО ПРАКТИЧЕСКИМ ПОПУЛЯРНЫМ НАУКАМ:

А. Крайский. Что нужно знать начинающему писателю. Ч. I	— » 60 »
---	----------

Каждый подписчик любого журнала издаваемого „Красной Газетой“ может приобрести со скидкой в 15% следующие книги

А. Крайский. Что нужно знать начинающему писателю. Ч. II и III	— » 75 »
Носков. Домашнее хозяйство	— » 75 »
Инж. К. Кирпичников. Воздушные мотоциклетки	— » 15 »
Д-р В. Тимофеев. Чудеса современной хирургии	— » 15 »
Д-р Мандельс. Что надо знать о женских болезнях	— » 15 »
А. В. Соловьев. Мир луны	— » 15 »
Б. Вишневский. Первообытный человек	— » 15 »
В. Д. Кайсаров. Мировой океан	— » 15 »
Инж. Л. Ямпольский. Автомобиль	— » 15 »
Инж. А. Фентеклюз. Силы природы	— » 15 »
Л. Израилевич. Как паять и лудить	— » 15 »
Г. Емцов. Основы радиотехники	— » 15 »
Инж. А. Никольский. Газовая сварка и резка металлов	— » 15 »
В. Д. Кайсаров. Происхождение земли	— » 15 »
Инж. М. Вассерман. Борьба с огнем	— » 15 »
Инж. К. Кирпичников. Летающая модель аэроплана	— » 15 »
Д-р З. Меримский. Беременность и средства против беременности	— » 15 »
Г. Емцов. Как установить радио-приемник	— » 15 »
Инж. А. Фентеклюз. Железо в природе и технике	— » 15 »
Г. Емцов. Самодельный радио-приемник и его части	— » 15 »
Д-р Мандельс. Что должна знать мать о грудном ребенке	— » 15 »
И. Комаров. Как самому построить буер	— » 15 »
А. Соловьев. Обсерватория любителя	— » 15 »
Инж. И. Искольдский. Химия в технике старой Руси	— » 15 »
Из практики — 169 практических рецептов и советов	— » 15 »
Инж. А. Фентеклюз. Ветро-электрическая станция любителя	— » 15 »
Инж. Л. Ямпольский. Никкелирование	— » 15 »
А. Луговой. Спутник краеведа	— » 15 »
Инж. К. Кирпичников. Воздушные сообщения	— » 15 »
Л. Израилевич. Кино-трики	— » 15 »
Инж. М. Вассерман. Электротехник-любитель	— » 15 »
Д-р В. Тимофеев. Гитноз и внушение	— » 15 »
Г. Емцов. Гальванические элементы	— » 15 »
Инж. Ф. Шедламг. Как построить парусную шлюпку	— » 15 »
Д-р Меримский. Как выбрать курорт	— » 15 »
Инж. В. Кайсаров. Техника и война	— » 15 »
Н. Новиков. Как переплетать книги	— » 15 »
Справочник радио-любителя	— » 15 »
Инж. М. Вассерман. Самодельный телефон и телеграф	— » 15 »
Химик-любитель	— » 15 »
Л. Израилевич. Своими руками	— » 15 »
Проф. Камешников. Как наблюдать небесные светила	— » 15 »
Д-р Л. Мандельс. Заразные болезни	— » 15 »
П. Колубовский. Потонувшие материк	— » 15 »
И. Манасин. Происхождение земледелия	— » 15 »
Г. Емцов. Электрические аккумуляторы	— » 15 »
Словарь научных и технических терминов	— » 40 »
Д-р Василевский. Переливание крови	— » 15 »
М. Вассерман. Как сделать инкубатор	— » 15 »
Л. Израилевич. Самодельный волшебн. фонарь	— » 15 »
Колубовский. Завоевание пустыни	— » 15 »
Сборник Популярная медицина	— » 50 »
» Популярная техника	— » 50 »
С. Беттервортс. Расчет катушек самоиндукции с низкими потерями. Перев. Г. Емцова. 32 стр., со многими иллюстр. и табл.	— » 40 »

Можно выписать из Главной Конторы Издательства
ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, № 57.

Розничная продажа: пр. 25 Октября, 68.